

18+

Крылатый

Ан

Анна Шашкина

Анна Шашкина

Крылатый Ян

«Издательские решения»

Шашкина А.

Крылатый Ян / А. Шашкина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-626544-8

Маленький Ян, к удивлению для родителей, появился на свет с крыльями. Хотя в деревне горбатых уже около сотни лет не рождались крылатые люди. Мальчик стал изгоем, но его мечты не дают ему унывать. Он верит: когда-нибудь он взлетит высоко в небеса и будет свободно летать по всему миру. Но сначала Яну придется встретить множество испытаний: покинуть родительский дом, стать помощником ведуна Светобора, усмиряющего нечисть, и решить, готов ли он ради сохранения своих крыльев отдать суровый долг.

ISBN 978-5-00-626544-8

© Шашкина А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Крылатый мальчик в деревне горбатых	10
Глава 2. Бой за хорошие мечты	15
Глава 3. Роковая случайность	20
Глава 4. Рожденный летать ползать не хочет	25
Глава 5. Один в лесу, один в пути – друзей встречай, друзей ищи	29
Глава 6. Дорога вместе веселее	33
Глава 7. Следуй своему пути, и он сам будет вести	37
Глава 8. Дом ведуна на дубе	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Крылатый Ян

Анна Шашкина

© Анна Шашкина, 2024

ISBN 978-5-0062-6544-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Ян отстал от Светобора, замер, услышав шорохи справа – с той стороны, где был хлев. Сонный перестук копыт, после – еле слышное хлопанье крыльев. «Маленькая птица или мотыль», – попытался определить по звуку юный следопыт. Он развернулся всем корпусом к строению и, ступая на цыпочках, чтоб не издать лишнего звука, задев какой-нибудь камешек, проделал несколько шагов вперед. Звуки, насторожившие его, больше не повторялись. Ночной воздух, густой и теплый, словно только что снятая сметана, звенел лишь музыкальным стрекотом кузнечиков. Ян замер. Показалось? Сглотнул, отчего ушные раковины его шевельнулись. И снова почудилось еле слышное трепетание.

«Светобор ушел далеко. Не слышно его шагов совсем. За ним идти или проверить? Чудище кровь сосет у коров и буйволопотамов. На людей не кидалось. Значит, или оно меньше человека, или слабее.» Ян в своих рассуждениях не учел, что сам был еще мал и мог представлять угрозу разве что для цыпленка. Мальчик смело шагнул в кромешную темноту хлева.

... – Очнись! Очнись, малец! – лицо Светобора в ярком свете от посоха склонилось над ним, морщины на лице старца прорезались сильнее, будто борозды на древесной коре. Ян открыл глаза и тут же зажмурился. От неожиданности ему показалось, что свет зеленых глазниц ведуна слепил его ярче посоха.

– Вставай, вставай быстрее! – торопливо стал поднимать его старец, хватая то за руку, то за плечо.

Ян поднялся, неуверенно шатаясь, почувствовал сильную усталость, тянущую его обратно к земле, нахмурился.

– Как же ты один пошел? Меня бы позвал! – сетовал ведун, осматривая Яна со всех сторон, одновременно вода посохом и руками вокруг головы.

– Ты впереди был, далеко. – Объяснил мальчик, постепенно приходя в себя.

– Пойдем отсюда, – скомандовал старец, закончив свои нашептывания и обмахивания над Яном, – хватит на сегодня!

– А как же чудище?!

– Сбежало! Удрать успело, – развел руками Светобор, – Я как тебя потерял, пошел обратной дорогой, только по шорохам и твоему мычанию безвольному определил, где ты. Мне тебя спасти надо было. А нечисть успею поймать.

– Оно летает. – разочарованно шмыгнул носом Ян.

– Может и летает. Не успел увидеть, – пожал плечами старец, – У тебя сил нет, силы оно подсосало. Зря я тебя взял с собой.

– Не зря! – в голове Яна все кружилось, но он старался держаться прямо, – Я тебе помогу!

– Хватит с тебя помощи. Домой пойдешь. – решительно отрезал Светобор и сделал круг в воздухе посохом. Портал засиял радужным тоннелем, – Ныряй!

– Нет. Надо найти нежить! – заупрямился мальчик, топнув ногой, отчего пыль с дороги поднялась и защекотала в носу. Светобор помолчал, посмотрел свысока на малорослого, но упертого как валун, обросший мхом, помощника, захлопнул взмахом посоха портал, и снова воцарилась кромешная тьма. Ян заморгал, чтобы глаза быстрее привыкли.

– С чего ты взял, что это именно нежить? – послышался рядом хриплый голос Светобора.

– Ну не человек же! И не животное. И не добрый дух: добрых люди знают, а этот скрывается.

– Верно. И хорошо скрывается. Так что я его не могу найти, – согласился старец, обходя Яна кругом и рисуя по земле посохом круг, – За границы не выходи! – а сам ушел снова в хлев.

Вдалеке, из леса за овсяным полем, проснулась кукушка. На ее одинокий печальный клич ответил ритмичным треском дятел. Слабый ветерок пробежал по траве, потрепал Яна по воло-

сам. Полумесяц забежал за тучку, и освещал теперь только ее рваный бугристый край. Со стороны хлева не было ни звука. Яну стало не по себе. Он потоптался на месте, решая, стоит ли нарушить запрет ведуна. Наконец, резвый старец вынырнул из темноты, осветив поляну белым светом от посоха:

– Действительно, летает. Никаких следов на земле. У теленка на шее тонкой струйкой кровь сочится, а сам спит сном дурным. Я рану залечил, а он так и не проснулся! Можно бы на овода подумать, да он так не усыпляет и силы жизненные не крадет.

– Так кто же это? – нахмурился Ян.

Светобор прошел вперед в направлении жилых домов:

– Среди людей прячется, видать. Двоедушника надо искать.

– Как это – двоедушника? – мальчик впервые слышал о таком.

– Редко, очень редко такое случается. Вынашивает женщина ребятенка своего, да где-нибудь с иной силой встречается: на похоронах упадет или заблудится в лесу по злой забаве лешего. И вот испуг ее, ослабленность духа человеческого притянет в ее нутро вторую душу, только не человеческую уже.

– И что тогда?! – Ян округлил глаза со страха и ускорил шаг, чтобы идти ближе к старцу, – Как ребенок жить будет дальше?!

– Да нормально будет жить. Днем-то он обычный человек. А вот ночью – тут уж как повезет. Бывают смирные сущности, а бывают зловредные. По домам надо пройтись. Время к рассвету бежит, как раз вычислим, кто из деревенских по ночам буянит.

Деревня Кувшиновка была небольшой – всего десять домов, общий хлев для крупной скотины, да три кукурника. Острый серп полумесяца так и не выглянул из-за туч. Небо медленно стало линять и кучевые облака проступили четче. День просыпался хмурым и дождливым.

На стук в двери люди отвечали не сразу, открывали с опаской, запускали в дом с недоверием. Светобор – высокий седой старец с прямой широкой спиной, с заплетенной в косу бородой, в красных кожаных сапогах с серой опушкой и чудным деревянным посохом – шепотом объяснялся с хозяевами, и те шли поочередно будить всю семью, включая и стариков, и малышню. Последние просыпались неохотно, канючили, хватались за мамкины юбки. Но просыпались все. Садились в ряд и ждали. А ведун медленно обходил избу по углам, осматривал всех жильцов и молча шел на следующий двор. За ним словно хвостик увивался мальченка лет десяти с небольшим, в светло-зеленой рубашке, шитой по фасону среднекрылых, с маленькими (не больше кулушинных) белыми крыльями за спиной.

В восьмом по счету доме нашли, кого искали: все семейные проснулись, кроме старшего сына. Четырнадцатилетний долговязый веснушчатый мальчуган спал на лавке у окна беспробудным сном, раскинув руки в стороны так, что одна до пола свисала. Рот был полуоткрыт, издавал еле слышный свист, голова паренька была запрокинута лицом в потолок.

– Всегда так спит: не добудишься с утра, позже всех встает, а вечером раньше всех засыпает. Но работающий он, послушный, – прошептала мать Светобору, заметив особый интерес к сыну.

– Сейчас проверим, один ли он в своем теле живет, – ответил старец, не поворачиваясь к женщине, передал посох Яну, а сам взял за ноги и за плечи спящего и одним сильным движением развернул его на лавке, поменяв направление туловища, а затем еще и на живот перевернул, голову на бок поворотил, чтоб дышать было чем, а рот прикрыл краем подстилки. За все время, что ворочали его, как мешок с зерном, не проснулся подросток.

Зато во все окна вдруг ветер застучал. Вихрем стал расти на дворе смерч, поднимая над землей пыль и ветошь. Белье стирание сорвал в бешенстве с веревок, закрутил по кругу.

– Живо все за печь! – крикнул ведун. Сам выхватил у Яна посох и побежал скорее во двор, захлопнув за собой дверь.

Ян глянул по сторонам. Мать, отец и двое девчонок-близняшек, младших дочек, забились от страха в дальний угол за печь. Двоедушника заколотило, затрясло всего, будто лихорадка напала, но не просыпался он никак, только словно кто-то невидимый перевернуть его обратно на спину пытался. Ян зажмурился, жутко самому стало, но Светобору нужно было помочь. Он прикусил губу до боли и прыгнул, на мальчишку сверху, прижав его всем телом к лавке.

Ведун тем временем вступил в вихрь. Ураган расвирепел, в воздухе летали ведра, простыни, лопаты – все, что было мелкого на дворе. Солома с крыши начала пучками выдираться и тоже пускалась в дикий пляс по кругу. Бороду старца растрепало. В свисте ветра слышался вой и рычание неизвестного разъяренного зверя.

Прикрываясь левой рукой, посохом в правой Светобор стал рисовать по воздуху знаки и кричал, громко кричал: «Прочь! Пошел прочь!» Долго продолжалась борьба.

...Рубашка Яна промокла насквозь от пота, все мускулы он напрягал, чтоб усмирить припадок двоедушника. Наконец, отец мальчишки осмелел и пришел на подмогу – прижал ноги сына к лавке.

Светобор все кричал против ветра, прогонял нечистый дух. Два стекла в окнах лопнули под напором стихии, засвистело в самой избе, женщины завизжали. Следом сверкнула вспышка ярче солнца, ослепила всех.

И притих мальчишка, колотун сошел, ресницы задрожали. После полного пробуждения он долго удивлялся, почему отец его за ноги держал, а незнакомый пацаненок с большими серыми глазами в необычной одежде стоял посреди их избы и смотрел на него с опаской, как на дикого зверя.

Однако Ян недолго оставался еще в доме. Убедившись, что подросток в полном здравии, Ян выбежал во двор к старшему товарищу. Уже рассвело, но небо было сплошь затянуто серой пеленой. Ведун стоял, задрав голову вверх, и внимательно следил за ослепительной сферой красного цвета размером с кочан капусты, которая быстро уплывала по воздуху в направлении леса.

– Это что? – спросил Ян, встав рядом со старцем, хотя сам уже догадывался.

– Молния шаровая. Сгусток энергии злобной, что подселился в человека. Сейчас улетит, в дерево где-нибудь врежется и огнем распалится. И станет людям спокойнее жить. Зла станет меньше.

Ян посмотрел в лицо старца, улыбавшегося всеми морщинками сквозь усталость после битвы, и глубоко втянул свежий воздух. Они сделали доброе дело, теперь можно прыгать в портал и возвращаться домой.

Глава 1. Крылатый мальчик в деревне горбатых

Ян был сегодня очень взволнован и с замиранием сердца ждал прибытия торгового обоза. Он раньше никогда не видел ярмарок и только читал о них в книжках. Больше всего мальчику хотелось познакомиться с купцами. Все они были среднекрылыми и могли передвигаться не только по земле, но и перелетать на небольшие расстояния. Их одежды поэтому были гораздо чище, чем у горбатых деревенских жителей, что добавляло различия двум кастам.

Среднекрылые, как описывалось в книгах, чаще всего были зажиточными купцами. Если же их привлекало ремесло, то они выбирали художественные промыслы: ювелирное дело, ткачество, шитье, витражное искусство – все утонченное и роскошное. Маленький Ян как-то наблюдал за матерью, как она бережно перебирала в своей шкатулке несколько ниток бус и гребень – подарки отца на свадьбу и рождение сына. Красные, огрубевшие от работы пальцы женщины слегка дрожали, прикасаясь к украшениям, а в глазах читалось искреннее обожание к этим мизерным блестящим вещицам. Мальчик тогда, шмыгнув носом, почувствовал досаду – матушка никогда так не смотрела на него.

Сынишку что мать, что отец часто шпыняли, приучали к тяжелой пахоте на поле и в огороде, да в минуты непослушания или детского озорства обязательно упрекали за его порок – пробивавшиеся крылья. «В колыбели был здоровый карапуз, – бухтела мать, – а как на ноги встал – будто подменили.» «В семье горбатых не может быть летунов», – вторил жене отец и тяжело вздыхал, подозревая супругу в неверности. Однако черты лица у сына были отцовские – большие светло-серые глаза с густыми белесыми на концах ресницами, широкие брови, большой лоб с намечающейся бороздой морщины вдоль, будто за свои года жизни малыш уже много-много раз удивился. Нос был по-детски курносый, щечки – пухлыми, но даже мочки ушей походили на отцовские. Так что сомнения были напрасны – Ян был родным отпрыском. Только вот крылья... Зачем же они росли?

Старики иногда рассказывали байки, будто раньше весь люд Королевства был единым. Не было каст горбатых, среднекрылых и стремительных летунов. Вместо короля и его семьи правили старейшины деревень и городов, и никто внимания не обращал на длину крыла за плечами сородича. Понятное дело, что те, у кого крылья мощнее развились, летали выше. Так и работу себе подходящую находили. Говорили, что все звонницы – высокие башни с колоколами, в которые бьют, когда праздник или, наоборот, беда, чтоб созвать весь народ с округи – построены некогда предками стремительных летунов. Им-то сподручнее было такие высотки строить. Сейчас не дождешься от стремительного летуна, чтобы он хоть один камень ради блага горбатого поднял, не то, что звонницу воздвиг.

Что-то или кто-то разобщил народ, разделил по кастам. Ни одна история прадедов не давала ответа, что за горе случилось на земле, почему люди разделились, почему стали друг от друга отстраняться, мерить значимость и уважение по длине крыла. Будто буря промчалась по землям Королевства и стерла из памяти дружбу людей.

С тех пор горбатые остались на земле. Их уделом стало возделывание почв, выращивание животных и прочие способы добычи пропитания. Среднекрылые заняли нишу торговцев и ремесленников – разъезжали по деревням, выменивали товары, хитрили, вгоняя горбатых в долги и постепенно обзаводились слугами из представителей низшей касты.

Стремительные летуны избрали для себя роль благородных воинов. Главной напастью земель Королевства были налеты аргонов – больших диких птиц. Аргоны напади на земли, вероломно губя и сжирая урожай людей, унося молодняк скотины. Горбатые не могли отогнать стаю аргонов самостоятельно. Средняя птица была в два раза крупнее человека, ее клюв одним щелчком разбивал череп. Только подлетев со спины и вонзив острое копьё меж крыльев, стре-

мительный летун мог убить аргона. Но доблесть и отвага крылатых героев очень скоро стала зависеть от того, сколько заплатит деревня горбатов за сохранность своих угодий.

Откуда взялась королевская семья – история также умалчивала. Будто были они из покон веков. Жили и живут до сих пор в своем замке высоко среди облаков. Каста их называется «Поднебесные птицы», но кроме королевского семейства больше таких людей на землях никогда не встречалось. Отсюда возникали домыслы, что поднебесные птицы либо чужеземцы из далеких краев, либо особый род крылатых людей, которые сейчас не рождаются вовсе. При любом объяснении семейство поднебесных птиц было уникальным, что абсолютно соответствовало статусу королевской семьи. Таков был уклад Королевства уже многие века.

Много поколений в семействах горбатов рождались только горбатые. Крылья у них никогда не развивались, только короткие плечи выпирали двумя горбами из лопаток. Когда на горбиках Яна начал образовываться пушок, а перепонка внизу лопаток, соединяющая плечо и спину, стала истончаться, мать понесла его местной травнице.

Бабка дала ей мазь на основе жира лесной квакши, чтобы смазывать перепонки, а пуховый покров опалила свечой. Мальчик на руках матери извивался ужом, ревел и орал на всю деревню, так, что старики даже побежали на звонницу – призывать отряд стремительных летунов на защиту деревни. Отец Яна еле успел остановить их. Мазь воняла серой и болотиной, мальчика тошнило каждый раз, как мать втирала мерзкую жижу в его спину. На третий день он вырвался из безжалостных материнских рук и убежал в поле, зарылся в стог сена и просидел там всю ночь. К утру его, замерзшего, грязного и напуганного отыскал родной дядька.

Радмир, так звали дядьку, взял мальчонку на руки, запахнул в свою куртку и понес родителям. Он был спокойным рассудительным мужчиной высокого роста и богатырского сложения. Малыш пригрелся на груди у родственника и потихоньку начал скулить, как щенок. Ручками он крепко вцепился в грудь дядьки и с каждым его шагом все больше вжимался в могучее тело и трясся от страха. «Не отдавай меня мамке!», – прошептал тогда Ян, утыкаясь носом в теплую, пахнущую сеном и потом дядькину грудину. Радмир шикнул на мальчика, чтобы тот успокоился, погладил широкой ладонью по голове, но не свернул. Однако дома все же заступился за него. Отцу, как младшему брату, даже затрещину отвесил. «Перестаньте пацана муржить, может, еще и обойдется. А нет, так вырастет с крыльями. Пускай! Повезет, так в люди выбьется.» Мать с отцом недовольно переглянулись тогда, но дядьку послушали, отстали от ребятёнка.

Только через полгода на обожжённых горбиках снова стал образовываться пушок, а перепонки к тому времени окончательно пересохли, и из сустава плеча стали прорастать тонкие косточки предплечья. К тому времени Яну было четыре года, он уже бегло разговаривал, был любознательным и вдумчивым ребенком. Ян очень любил следить за облаками, как они бегут по небу и принимают всякие причудливые формы: то злых аргонов – точь-в-точь как в книжках, то слизнепузых коз – рогатых маленьких животных, передвигающихся на одной толстой ноге, покрытой слизью. Когда Ян в траве находил новую для него букашку и внимательно наблюдал за ее передвижением, мать теряла его и не могла докричаться. За каждую такую пропажу Яна наказывали – не пускали вечером к дядьке в библиотеку, заставляя перебирать нескончаемый горох.

К шести годам Ян прочитал уже много книг из деревенской библиотеки, которой завладевал дядя, начиная от сказок и заканчивая сводом законов Королевства, правда пятидесятилетней давности – более свежего издания в библиотеке не нашлось. Законы дались тяжело для понимания, и многие вещи Ян просил дядю объяснить ему попроще. Радмир смеялся, что мальчику еще рано разбираться в таких делах, но старался разъяснить пытливому уму все, что сам понимал.

Из книг Ян узнал о богатых среднекрылых, отважных стремительных летунах, крупных городах, Поднебесном замке и многом другом. Яну хотелось быстрее вырасти и благодаря

своим крыльям увидеть все диковинки Королевства Поднебесных птах собственными глазами. Крылья и так делали его непохожим на остальных деревенских детей, а неустанная пытливость ума совсем отдаляла от реальности. Но благодаря своей мечтательности и любознательности Ян не чувствовал себя изгоем, ему всегда было над чем подумать и за чем понаблюдать.

...И вот Ян с утра ждал торговый обоз. Волнения его было не скрыть: даже перышки на крыльях распушились и подрагивали. Мать занималась стиркой, отец был в поле на работах, Яну же поручили полоть грядки в огороде на заднем дворе. Но мальчик выпросил, чуть не плача, у матери дать ему работу перед домом, чтобы он смог видеть через низкую плетеную изгородь центральную дорогу. Мать недовольно поджала губы, сильно скрутила мокрое полотенце, но разрешила: работа на земле была всегда, так что малому было чем заняться и здесь.

Передвигаясь на корточках от куста к кусту, Ян собирал сморожницу – мелкие желтые ягоды, кисло-сладкие на вкус. Зимой варенье из сморожницы было даже лакомством к чаю, но летом, когда в лесу спела дикая малина, да в поле можно было отыскать среди подрастающих колосьев сладкую колобику, сморожница не привлекала совсем. Мальчик аккуратно отрывал грозди ягод с куста, стараясь не уколоться о длинные шипы, но получалось не всегда, и колючки больно впивались в кожу. Ян морщился, шипел, тер ужаленное место, но не отстранялся от работы. Наоборот, он старался как можно тщательнее обирать каждый куст – тянул время, чтобы успеть увидеть приезд купцов.

Дядя Радмир поймал на прошлой неделе почтовую кулушу – умную пичугу, которая переносила послания от одного селения к другому. Письма писали прямо на белых перьях кулуш, а путь задавали, выкидывая птиц в нужную сторону. Кулуша летела в указанном направлении, пока не видела человека. Инстинкт давал сигнал снизиться и дать себя поймать. Кулушу ловили на широкое блюдо с зерном. Птица довольно усаживалась на край посуды, лакомясь, и в это время можно было прочесть послание с ее перьев.

Маленькая белая кулуша принесла Радмиру весть, а через него и всей деревне, что к ним скоро прибедет торговый обоз. Купцы беспокоились о собственном комфорте, поэтому известили деревенских жителей заранее, чтобы их встретили как людей высшей касты, предоставили лучшие места для отдыха и позаботились о подобаемой еде. Ведь не пристало среднекрылым насыщаться какой-нибудь похлебкой из брюквы и щавеля, что так часто встречается на столах горбрых.

Новость о приезде купцов взбудоражила умы всех жителей Глухомани. Торговые обозы последний раз заезжали в деревню лет десять назад. Местные женщины уж и моды Королевства не знали. Деревня находилась рядом с Непроходимым лесом, за которым виднелись горы, а там, как писали в книгах, уже граница Королевства Поднебесных птах и Суровые земли, куда никто даже из стремительных летунов не заглядывал.

Старейшины, собравшись вечером в библиотеке у Радмира, стали составлять списки, чего не хватало для жизни деревенских жителей, однако в спорах и обсуждениях до полуночи, все пришли к выводу, что за долгие годы в изоляции от других поселений, местные приспособились жить своим укладом.

Такой вывод многих разочаровал, а не обрадовал. Казалось бы, полная автономность жизни должна была вызвать гордость сообщества, но большинство из старейшин загрузтили, почувствовав свою ущербность и отчужденность от «большого мира», где были торговые отношения, социальная жизнь, мода, культура и прочие интересные вещицы, покинувшие деревню вместе с уездом среднекрылых и стремительных летунов, которые некогда также здесь жили. Двое стариков высказались за то, чтобы не впускать торговый обоз и отправить прямо сейчас кулушу в обратный путь с отказом в гостеприимстве.

Удручающие мысли старейшин, еще помнивших старую дружную жизнь всех сословий, постарался развеять Радмир. Он призвал всех взбодриться, и встретить запоздалых гостей лучшим приемом, чтобы к ним стали заезжать почаще.

– Не знаем, что купить на ярмарке – так и купцы наших товаров не видели, даже варенья из сморожницы не пробовали. А мази и настойки, которые бабушка Глафира готовит из грибов и мхов Непроходимого леса? Уж точно таких действенных лекарств ни в одной другой деревне купцы не находили. Они нас хотят удивить своими товарами, а мы то их больше ошарашим местными диковинками. Думаю, женщины точно найдут множество красивых безделушек, да и деткам забава на ярмарке будет. Так что мое предложение: устроим отменный праздник и гостей уважим!

Так и решили. И с тех пор длинных семь дней мысли Яна были полностью захвачены предстоящим событием. Каждый день он засыпал в грезах о приезде купцов. Он усердно вспоминал все детали в образе среднекрылых, о которых читал в книжках, пытался представить во что они одеты, какие у них ухоженные крылья, как они благородно себя ведут и с какой вычурной манерой говорят. Ах, мечты – мечты! Как же вы далеки от реальности и идеальны в своей гармонии!

...Сморожница кончилась на третьем кусте, и остался всего один. Ноги затекли, Ян выпрямился, попрыгал на месте, чтобы прошли колики в стопах, обернулся к дому. Мать уже закончила со стиркой и теперь готовила обед на веранде с неизменно хмурым выражением лица. Мальчик редко видел улыбку матери. Зато солнце светило над ним тепло и ярко, и тени совсем пропали под ногами. Ян задрал голову и с прищуром посмотрел на небо. Полдень. Мелкие пичуги летают высоко-высоко и весело щебечут между собой. А обоза все нет. Мальчик тяжело вздохнул, провел ладонями по крыльям, проверяя, чтобы на перьях не застряли колючки и листья, и решительно шагнул к последнему кусту. Мысленно он уже начал искать себе следующую работу перед домом, чтобы не уходить на задворки. Он все равно дождетсЯ прибытия купцов!

– Едут! Едут! – наконец раздался крик Сеньки – мальчишки, живущего на окраине деревни. Он весь день провел на крыше дома, всматриваясь вдаль на заброшенную, местами совсем заросшую высоким бурьяном, дорогу. Несмотря на напряженное ожидание гостей, Ян все-таки вздрогнул от внезапного крика. Сердце его часто забилося, он вскочил, роняя корзину с ягодами из рук и побежал к воротам, чтобы увидеть долгожданный обоз.

– Ян, стой! Иди ко мне! – крикнула мать в спину. Мальчик со страха присел и с опаской обернулся к крыльцу, где стояла суровая растрепанная женщина, имевшая над ним власть. В руках ее был длинный кусок темно-серой ткани, который она протягивала мальчику, – Иди сюда, спрячу твои крылья, чтобы не позорился.

– Мои крылья не позорные! – Ян грозно нахмурил светлые брови, но все-таки быстро сообразил, что мать права: ни к чему сейчас это – привлекать к себе внимание. Яну хотелось просто порадоваться торговому обозу, познакомиться с купцами, поглазеть на товары и самое главное – в живую увидеть, какие бывают крылья у взрослых. Поэтому он не стал спорить и убегать от матери, а покорно подошел к ней и дал надеть на себя длинный плащ из грубой серой ткани. Крыльям тут же стало тесно, спина начала чесаться, но Ян стиснул зубы и, быстро перебирая босыми стопами, покатился серым комочком, словно мышка-полевка, на окраину, куда совсем скоро должны были подъехать первые кибитки купцов.

Среднекрылые приехали длинным обозом в пять кибиток, запряженных толстыми приземистыми ишаками. Кроме того, по обе стороны от каждой повозки, верхом на степенно вышагивающих лошадях ехали броско одетые купцы. Свысока они взирали вокруг с прищуром, будто оценивая в монету все, что видели перед собой. Деревенская детвора первая шумно встретила гостей. Мальчишки и девчонки, одинаково одетые в светло-зеленые рубашки и шта-

нишки из льна весело прыгали вдоль дороги, наваливаясь друг на друга, чтобы продвинуться вперед и получше рассмотреть путешественников.

Глава 2. Бой за хорошие мечты

Ян держался немного в стороне ото всех: дети не особо дружили с ним из-за инаковости. Но мальчик, разумный не по годам, не обижался на сверстников, в игры их не лез, и находил себе развлечения, не требующие компании. Однако сегодня он твердо решил, еще с самого утра, как проснулся, что никто и ничто не помешает ему увидеть среднекрылых. Поэтому, пока вся милюзга толпилась на обочине, Ян взобрался сначала на плетень, а затем перелез и на яблоню, прислонившуюся к забору, и раскинувшую зеленые пышные ветви прямо над дорогой.

Мальчуган как кошка, распластался животом на ветке, крепко обхватил ее, и в таком положении стал обозревать всю процессию сверху. Яну показалось, что даже аромат среднекрылых он уловил: сладко-терпкий с неожиданной свежей нотой по центру и теплой горчинкой в конце. Запах этот показался Яну чистым и роскошным одновременно. Мальчик прикрыл глаза на мгновение, и втянул воздух полной грудью, широко раздувая ноздри. Он хотел как можно больше впитать в себя запах новых людей.

Стразы на рукавах и широких воротниках купеческих одежд переливались на солнце и слепили глаза. Яркие бардовые, темно-синие, золотые одежды поражали своей объемностью, пышностью и вычурностью. «В таких рубахах в поле с косой не поработать: взопреешь, да порвешь еще о куст», – подумалось мальчику.

Крылья купцов поразили мальчика своей красотой и лоском. Видно было, что каждый день за ними ухаживали, расчесывали перышки мелкими гребнями, разглаживали специальными маслами. Ян читал про утренний туалет купца: это была длинная церемония с множеством мелких инструментов и химических веществ. За этим действием себя самого мальчик представить не мог – чтобы тратить утренние часы на умывание и самолюбование, когда так еще хочется поспать? Никогда! (Родители обыкновенно расталкивали Яна до рассвета и тащили за собой в поле на работы или на реку – доставать сети).

Кибитки и наездники растянулись по дороге, не спеша и вальяжно въезжая в деревню. Это давало возможность всем желающим разглядеть путников до мелких пуговиц на манжетах. Однако кое-кто из гостей не особо был рад вниманию горбатых. Двое мальчишек лет восьми – десяти, богато одетые в темно-зеленые бархатные шорты и курточки, ехали в открытой повозке. Они зло, исподлобья зыркали на деревенских горбатых детей, иногда тихо переговаривались между собой, глядя на кого-то одного из толпы, а затем громко ржали. Их кибитка была третьей с начала, сидели они рядом со взрослыми – женщиной и двумя мужчинами. Ян особо не стал присматриваться именно к этим двум персонажам. Взрослые с их зрелыми крыльями, разнообразными нарядами и элегантными манерами интересовали Яна гораздо больше, чем сверстники.

А вот купеческих детей, наоборот, привлек маленький светловолосый деревенщина с серым мешком на спине, который свисал прямо над их головами, примостившись на яблоневой ветке. Старший нахмурил рыжую бровь и толкнул в бок приятеля:

– Ефим, смотри! Не собирается ли этот босяк опрокинуть кому-нибудь из наших на голову мешок с объедками?

– Возможно... Уж очень подозрительный горбун, – ответил второй мальчишка, темноволосый, с бледно-голубыми холодными радужками глаз. Он пристально посмотрел на деревенского зеваку и брезгливо сморщил нос, – Давай сгоним его с дерева, да проверим, что в мешке. Если окажется, что там помой, самого его в мешок этот посадим и поколотим хорошенько, – сорванец начал закатывать рукава бархатной курточки.

– А если нет? Нам отец велел с местными не общаться вообще, – не сразу поддержал предложение товарищ.

– Ой, Захарий, не трясись! – насмешливо прищурился заводила, – хорошее дело только сделаем, когда сгоним на землю этого пройдоху. Нечего бескрылым выше земли подниматься! А если мешок пустой будет, то хоть страху нагоним, чтоб уважали нас здесь сразу!

С этими словами Ефим шустро слетел на своих черных крыльях, доходящих до пояницы, с повозки на землю. Захарий поторопился за другом, не переставая хмурить рыжие брови в сомнениях. Женщина вдогонку крикнула, чтобы дети слышали за шумом колес и гомоном деревенских: «Куда вы собрались!? Отец запретил вам знакомиться с местными!» Но она тут же сама осеклась, прижала длинные пальцы с тонким шелковым платком к губам и боязливо посмотрела по сторонам. Мужчина, напротив, снисходительно махнул рукой: «Дети! Им все интересно!» Кибитка поехала дальше, а двое проказников двинулись в обратном направлении – туда, где деревенские радостно встречали следующие кибитки.

Ян впивался взглядом в каждого вновь прибывающего, старался уловить каждую детальку образа среднекрылых. Ведь неизвестно, когда в следующий раз кто-нибудь из купечества решит снова посетить их дальний край. Все его внимание было приковано к обозу. Потому он резко испугался, когда из замороженного состояния его выбила боль в плече от удара. Ян ошарашенно покрутил головой и увидел справа от себя обидчиков – одного с воронными куцыми крыльшками и второго с рыжими, на вид тяжелыми крыльями до бедер, которые будто перевешивали мальчика и заставляли нарочито выпячивать грудь вперед. Первый стоял с кулаками и злой гримасой, второй же упер руки в бока и грозно крикнул:

– Эй ты! Мешок с картошкой! А ну слезай! – на этих словах он нагнулся к земле, подобрал булыжник и замахнулся в Яна, но не бросил, ожидая ответных действий.

Ян пришел в себя, стиснул зубы и пополз назад по ветке, чтобы спуститься и поговорить с обидчиками. Пятясь назад и одновременно оправляя одной рукой рубаху, задирающуюся из-за шероховатой яблоневого коры, мальчик обдумывал план действий. Чего вдруг купеческие дети на него разозлились? Как с ними подружиться или хотя бы разойтись без драки? Что им нужно от него?

Когда Ян подошел к среднекрылым и спокойно поздоровался, не забыв поклониться ровно так, как читал в книгах, мальчишки оробели. Они ожидали увидеть дикого запуганного зверька, а вовсе не обученного реверансам воспитанного горбатого. Они бывали до этого и в других деревнях, и везде, где бы они не пересекались с деревенскими – в харчевнях или на ярмарке, видели они раболепие, услужливость и покорность. Никто из горбатых никогда не смотрел им прямо в глаза.

– Показывай, что за спиной прячешь! – скомандовал рыжий после того, как его подтолкнул за локоть приятель.

– Там ничего интересного для вас нет, обычная тряпица, – уклонился от ответа Ян, но машинально провел рукой по плащу, чтобы проверить не выбились ли крылья из-под ткани.

– Врешь! – зашипел второй мальчишка, будто на змею кто наступил, – Скрываешь от нас! Значит, там опасная вещь, дубинка или рогатка, а может и арбалет! А ну покажи!

Рыжий с недоверием покосился на друга – в повозке речь шла только о мешке с мусором, а теперь фантазия приятеля разыгралась до оружия. Недовольно Захарий отметил про себя, что Ефим опять хочет показаться умнее и лучше него, даже в своих предположениях насчет деревенского босняка.

– А не оружие, так мусор, который на голову хотел сбросить нашим! – повторил свою версию Захарий и еще более грозно потребовал, – снимай тряпку!

Ян, молча, не переставая пристально смотреть на злые мордочки купчиков, снял свой плащ. Его белоснежные крылья были чуть длиннее, чем у чернокрылого, но ладные, с гладкими блестящими перышками и густой подпушкой.

– Это что за колдовство?! Откуда у тебя крылья? Настоящие? – наперебой посыпались вопросы от новых знакомых. Захарий и Ефим начали обходить Яна с двух сторон, чтобы рассмотреть крылья получше.

– Настоящие. Мои, – твердо ответил Ян, – с рождения.

– Не может быть! Врешь! Подделка! – не поверил Ефим, – небось кур ощипал, да на тесто прилепил, вот и вся магия! Дай-ка я тебе их обломаю, чтоб неповадно было. Ты горбатый, у горбатых не может быть крыльев!

– Может! Они мои! Настоящие! – Ян отпрыгнул от агрессора подальше, чуть не свалившись под колеса последней заезжавшей кибитки. Накидка выпала из его рук, но он не обратил на нее внимания.

– Иди сюда, пройдоха! – Ефим побежал за ним, Захарий неповоротливо присоединился к погоне.

Ян перебежал дорогу и остановился. Сердце его часто билось, страшно было и больно – осознать, что купеческие дети не принимают его также как деревенские, тоже считают его крылья уродством. Все чувства: обида, досада, горечь от недавней эйфории праздника, который не успев начаться превратился в гонение – все смешалось в душе Яна. Он поднял увесистый булыжник с земли и повернулся к преследователям.

– Не подходи, а то брошу! – крикнул он мальчишкам, бегущим за ним. Глаза его застилала слезы, но он твердо решил защищаться и если нужно, то и ударить агрессоров. Он не даст сломать свои крылья!

Вид камня только еще больше распалил злой азарт сорванцов, Ефим уже собрался сделать последний прыжок вперед и повалить противника на землю, но громкий окрик отца, словно молния пронзил его тело и заставил резко остановиться. Мальчишка, тяжело дыша, вжал голову в плечи и боязно обернулся на крик.

– Ефим, Захарий! Что вы тут творите?! Кто разрешил вам спрыгивать с повозки? – важный купец в темно-бордовой шелковой рубахе с золотым кантом на воротнике и рукавах, в широких черных шароварах и ярко красных, с золочеными зауженными носками, сапогах подъезжал на гнедом коне легким галопом. Приблизившись совсем вплотную к детям, наездник не стал спешиваться, а так и продолжил разговор взирая на всю компанию сверху.

– Ну! Чего молчите?! – потребовал ответа мужчина после затянувшейся паузы, в которой оба сорванца опустили головы в пол и растерянно шаркали лакированными ботинками по пыли. Ян тревожно смотрел то на ездока, то на обидчиков, он опустил руку с камнем, но не бросил его совсем. Купец перевел взгляд на него, внимательно осмотрел и с удивлением подернул бровью, – У тебя есть крылья?

– Да! Они мои! Настоящие! – с вызовом ответил Ян.

Купец заинтересовался неожиданной находкой и спрыгнул с коня, чтобы рассмотреть крылья мальчика получше. Не ожидал он в глухой деревне горбатых на окраине Королевства увидеть крылатого ребенка. Значит, где-то здесь прятался преступник – среднекрылый, или того хуже – стремительный летун. Хотя от этой диковинки сейчас никакого прока купец не видел, но возможно в будущем она бы ему пригодилась. Информация – тоже товар, и порой весьма дорогостоящий.

Он подошел к Яну и коснулся плеча мальчика, чтобы тот повернулся спиной. Но Ян резко отдернулся от руки купца. Среднекрылый ухмыльнулся в густую черную бороду и присел на корточки перед Яном:

– Не бойся. Покажи мне свои крылья, – спокойным и даже ласковым тоном попросил купец.

– Они хотели сломать мои крылья, – Ян боднул головой в сторону в купчиков. Ефим снова вспыхнул злобой на деревенщину:

– У горбатых не может быть крыльев, ты урод!

– Замолчи, Ефим! – купец обернулся на сына и так зыркнул на него, что Ефим снова оробел и закусил губу. Мужчина распрямился в полный рост и огромной черной тучей навис над своими детьми, – Сколько раз я вам повторял: куда бы мы с вами не приехали, с кем бы не встретились, везде мы – среднекрылые обязаны проявлять к окружающим снисхождение и дружелюбие, – он обернулся через плечо к Яну, который внимательно слушал речь благородного взрослого, и наигранно улыбнулся мальчику, – Мы – купцы. Наше ремесло – продавать товары, покупать диковинки в одной местности и предлагать их в другой. Каждый встречный для нас – это потенциальный покупатель, а удачная продажа – это звонкая монета в кармане и вкусный ужин на столе, – тут купец неожиданно с размеренного поучающего тона перешел на грозный крик и при этом расправил свои черные крылья в стороны так, что загородил весь солнечный свет над детьми, – Это, черт возьми, Ефим, твои расписные игрушки! – мужчина перевел тяжелый взгляд на старшего сына – Захарий! Почему не остановил брата?! Ты старший, должен младшего в узде держать, а он дичает как ужаленный змеей, на людей кидается! Оба наказаны будете! Прочь отсюда! Мать вас обыскалась!

Купчики сорвались с места и были только рады убежать подальше от отцовского гнева. Мужчина же развернулся снова к Яну. Мальчик смело смотрел среднекрылому прямо в глаза, будто они были равными.

– Как тебя зовут? – спросил купец, складывая крылья за спину и снова присаживаясь на корточки в надежде разглядеть наконец необычного ребенка.

– Меня зовут Ян, – ответил мальчик. Только сейчас он выпустил камень из рук и сложил ладони перед собой в замок. Только сейчас он понял, что в погоне потерял накидку. Мальчик почувствовал острую необходимость укрыть свое сокровище от посторонних глаз. Он до сих пор не чувствовал себя в безопасности.

– Ян. Хорошее имя, – добродушно похвалил купец и снова дотронулся до плеча мальчика, легонько поворачивая его спиной к себе, – А скажи, Ян, у твоих родителей – мамы или отца – тоже есть крылья?

– Нет, они горбатые, поэтому они меня не любят, – ответил Ян, и почему-то эта мысль именно сейчас неприятно кольнула его прямо в грудь. Раньше он так болезненно не ощущал свою отчужденность от родителей. Он заметил в окне соседского дома, куда смотрел сейчас, как знакомая женщина накрывала на стол. В ее движениях было спокойствие, размеренность и нежность. Яну стало тоскливо и невыносимо, он отвернулся и стал снова лицом к мужчине.

– А есть кто-то, кто тебя любит? – купец почуял подвох в словах мальчика и решил выпрашивать дальше. Крылья были натуральными, живыми, по длине костей и тонкости пера мужчина предположил, что им еще расти и расти. Чувствовалась отменная порода в этих крыльях. Мальчик неуверенно пожал плечами, его печальное лицо озарила легкая улыбка:

– Дядя Радмир, наверное. Он хорошо ко мне относится, гладит иногда по голове, работать не заставляет. Мы с ним книжки читаем по вечерам, – простодушно ответил Ян.

– А у дяди Радмира есть крылья? – задал следующий вопрос купец, прищуривая глаза.

– Нет, – покачал светлой головой Ян, – я один в деревне с крыльями. Дядя Радмир говорит, что такое бывает очень редко, я – уникал.

Купец нахмурился. Значит, мальчик не знает, в кого из родственников у него крылья. Но сами по себе они не могли начать расти. Ладно, не один день ярмарка будет, успеется эту тайну открыть. Мужчина выпрямился, и, подходя к лошади, напоследок спросил:

– А о чем ты мечтаешь, Ян, кем хочешь стать?

– Дядя Радмир говорит, что, если крылья станут длинными и сильными, можно будет попробовать себя на турнире стремительных летунов, которые проводятся в городах. Проводятся же? – Ян заглянул в лицо купцу пронзительными светло-серыми глазами.

– Проводятся, – согласно кивнул купец, улыбаясь и придерживая узду беспокойно топчущегося коня, – Ну а если не вырастут крылья длинными и сильными? Будут... ну, как у меня, –

он слегка помахал крыльями, поворачиваясь боком и показывая их длину – едва до бедер, – Что тогда будешь делать?

– Тогда все равно уйду из деревни в город и стану учителем, – мальчик приподнял брови, отчего складка посередине лба стала глубже и четче, – Я книжки люблю читать, и уже много чего знаю. Но больше мне хочется стать стремительным летуном и облететь все наше Королевство.

– Хорошие мечты, – одобрил купец, – только помни: большинство наших мечтаний разбиваются о реальную жизнь. Лишь немногие из них перерождаются в цель и обретают план достижения, – мужчина помолчал, подумал и добавил бодрым тоном, – Приходи с родителями на ярмарку, или с дядькой своим. Покажу тебе много интересных вещей!

Глава 3. Роковая случайность

Купцы меньше недели пробыли в деревне – торговля не задалась. Радмир познакомился со всеми гостями лично, все побывали в его доме на ужинах со старейшинами. Разговоры были длинными и серьезными – о жизни Королевства, новшествах в законах и укладе, о новых изобретениях Короля.

Ян, по обыкновению проводивший свой вечерний досуг также у дяди, нисколько не конфузясь, присутствовал при встречах взрослых, и иногда даже, улучив паузу в разговоре, переспрашивал непонятные детали.

Крылья Яна привлекли внимание среднекрылых, однако Радмир заверил, что мальчик такой родился сам по себе, никто закон не приступал, никакой мятежник в деревне не скрывается. Как-то отец зашел за Яном – поздно уже было совсем, – и купцы убедились, что мальчик – копия родителя. Те же белесые ресницы, большие светло-серые глаза и широкие брови. Только глаза Яна, в отличии от папашиных, не буравили окружающих исподлобья недоверчивым совиным взглядом, а были ясными, и из них исходил свет любознательности и очарованности миром.

В последний вечер перед отъездом старший купец, с которым Ян познакомился раньше всего, подозвал мальчика к себе и протянул ему небольшой тканевый сверток со словами: «На удачу хочу подарить тебе эту вещицу, малец. Продать ее некому – в деревнях бесполезный предмет, а у стремительных летунов на заставах уже давно модели новее. Тебе же будет напоминанием о твоей мечте. Только не забудь о построении плана.» Мужчина подмигнул Яну и перевел взгляд на сверток, приглашая развернуть платок. В черном лоскутке бархата оказались очки, самые настоящие, какие Ян видел на гравюрах в книгах. Очки предназначались для полетов, были с толстыми защитными стеклами зеленого оттенка и кожаной оправой, переходящей в ремешок, который опоясывал голову и не давал очкам слететь во время полета.

«Спасибо большое, сударь!» – прошептал, задыхаясь от восторга Ян. Взгляд его не отрывался от полученного сокровища. Он поднес очки на ладони поближе к глазам и широко улыбнулся, когда увидел, как от его дыхания запотели круглые стекла. Теперь у него тоже была своя драгоценность, на которую он мог смотреть с любовью и обожанием.

Купец, вручив подарок, снова вернулся к беседе со старейшинами и своими товарищами. Проявление милости к мальчику, которого шпыняли его дети, успокоило честолюбие купца. Он почувствовал себя благороднее, чем днем ранее. Ненужная безделушка стала платой за травлю Яна, устроенную сыновьями в день приезда. Кто как не родитель может загладить вину бездумных отпрысков. И он исполнил свой моральный долг без какого-либо финансового ущерба. Идеально.

Однако и Ян знал о «благородстве» среднекрылых, знал о том, что по их обычаю, любой подарок требует ответного знака уважения или делает должным тебя дарителю. И тот вправе истребовать ответный подарок или услугу в любое время, даже спустя много лет. Поэтому мальчик, не привлекая внимания, улизнул из библиотеки, быстро пробежал до родительского дома, но не заходя на порог, спустился в погреб через уличный лаз. Пробираясь на ощупь в темноте и часто моргая, чтобы глаза быстрее привыкли, Ян наконец нашел прошлогодние крынки с вареньем из сморожницы. Мать все равно в конце лета выливала начинающие бродить старые припасы. Поэтому за пропажу одной крынки Яна никто бы не заругал. А варенью годности еще два месяца было.

Когда Ян вручил запечатанную крынку купцу, тот удивился, а когда понял, что это ответный подарок по обычаю, рассмеялся и поощрительно потрепал мальчика по волосам. «Молодец, мальчонка! У тебя не только крылья растут, но и ум!»

В общем, подарками все остались довольны. Торговля, конечно, не порадовала купеческое сообщество, зато много чего диковинного у местных нашлось. Закупились, похорчевались, новостями обменялись и поехали дальше.

Дядя Радмир после уезда купцов взялся за написание книги «Правки к законам Королевства поднебесных птах. Лето 1189 года с Начала времен». Писал он неспешно, по вечерам, когда все работы по хозяйству заканчивались. Когда последние листья слетели с деревьев, а земля посерела и стала промерзать ночами, том был дописан. «Пригодится кому-нибудь», – подытожил Радмир, ставя новенькую книгу на полку рядом со старыми фолиантами. Ян гордился дядей за его ученость, стремление к знаниям и просвещению деревенских.

Когда снег мелкой порошей стал застилать поля, а слизнепузые козы, завернувшись клубками в свои кожистые панцири, залегли по хлевам в спячку, Радмир обошел дома поселения и пригласил на традиционные «зимние чтения». Детей он учил начальной грамоте, а для взрослых находил книги, «нужные для жизни»: по земледелию, строительству, животноводству. На самых верхних полках – Ян как-то добрался и до них с помощью лестницы – были книги со стихами и фантастическими романами. Но такое чтиво деревенских жителей не интересовало.

– Вырастешь, может, мое дело переймешь. Тоже просветительством займешься, – как-то предположил Радмир, подбирая литературу на следующий вечер.

– Я летать хочу. Путешествовать, – тихо, но твердо напомнил Ян.

– Это само собой, не зря же крылья растут, – согласился дядя, улыбнувшись, – Но жизнь, Яньчик, не один день от рассвета до заката. Человеку даны многие лета и зимы. При желании можно все успеть – и мир поведать, и ученым стать.

Глаза мальчика засветились радостным предвкушением своей замечательной будущей жизни. Быстрее бы вырасти!

... За ночь изба совсем выстыла и кончик носа, как дозорный, первым делом замерз и вызволил Яна из теплого летнего сновидения. Ян открыл глаза, и холод тут же пробежал по всему его телу. Мальчик съежился, поджал руки и ноги, завел правое крыло на живот и нос тоже спрятал под одеяло. Но мать уже заметила его елозинья и громко буркнула:

– Проснулся – нечего разлеживаться! Вставай давай, крючколапов иди кормить. Визжат вон уже, раньше зари жрать захотели.

Ян покорно сел на кровати, натянул на ноги теплые носки и поплелся к крючколапам в хлев. Почему они не засыпают на зиму, также как слизнепузые козы? Еще и визжат, и землю роют, вечно грязные и вонючие. Но добрые и игривые. Когда Ян зашел в загон к животным, они шустро подбежали к нему, переваливаясь на толстых коротких лапах и начали тыкать своими пяточками ему в ноги. Толчки были мягкими и частыми, от того Яну стало весело и щекотно. Круглые слегка розоватые бока крючколапов, покрытые редкой черной щетиной, в миг окружили мальчика и прижали к стене. Ян уже смеялся во всю. Он тайком от матери взял несколько комков меда, чтобы полакомить животину. Сейчас ароматные кристаллики лежали у него в кармане, но видимо носатые учуяли запах сладости и нетерпеливо толкались и похрюкивали.

Веселье кормешки нарушил крик отца с улицы. Он звал мать из дома. Ян было дернулся побежать – узнать, что случилось. Но потом остался и докормил крючколапов, чтобы не получить очередной нагоняй. Тревожность нарастала в мальчишке снежным комом, катящимся с крутой горы. Он спешно раскидал остатки проса и овощей по лоханям, налил воды и побежал в дом.

Дядя Радмир сидел на лавке, грузно навалившись на стену. Правое плечо его было окровавлено. Мужчина тяжело дышал, на лбу его были крупные капли испарины, хотя он сидел

без рубахи в одних штанах. Мать Яна промывала рану, скрутив кухонное полотенце в жгут, то и дело прополаскивала его в тазу, а затем снова прикладывала к ране, каждый раз вздрагивая от шипения Радмира от боли. Отец сидел за столом, схватившись за голову руками. Его рубашка и жилет были все в крови, но целые. Значит, это была кровь дяди.

– Не смотри, не надо, – прохрипел Радмир, облизывая сухие потрескавшиеся губы, когда заметил напуганного Яна на пороге избы.

– Иди на улицу! – с визгом крикнула мать, отрываясь от плеча, чтобы выжать в тазу красное от крови полотенце.

– Куда ты его на мороз гонишь? Двойные похороны хочешь устроить? – Радмир сморщился от боли, но все же стараясь сохранять добродушие в голосе обратился к племяншке, – Иди за печку, чтобы не смотреть на меня.

Ян попятился за печь, осторожно сел на край лавки и беззвучно заплакал. Сердце его сжалось от боли, будто это его какая тварь цапнула за руку. Очень он хотел сейчас обнять дядьку и держать его крепко-крепко, согревая и вылечивая своим теплом больное тело родного человека.

Мать бранилась, что кровь долго не останавливается, рана была глубокой, рваной. В окна стал пробиваться свет, а воздух в избе несмотря на тепло печи оставался ледяным и тяжелым. Отец решил, что нужно позвать бабку Глафиру, мать одна не справится, и ушел. Радмир начал бредить. Он то мычал, то невнятно бормотал, тяжело дыша. Мать уложила его на ту же лавку, где он сидел. Перетащить его ей было не под силу. Ян сквозь всю жалость, страх, боль, внезапно почувствовал пустую сосущую, как пиявка, пустоту в животе. Он не завтракал как проснулся, а потом не до этого было. За этот голод Ян на себя разозлился. Как можно думать о еде, когда близкий человек почти при смерти?

Казимир, отец Яна, вернулся вместе со знахаркой. Ян не любил бабку Глафиру. Уже смутные, но до сих пор остро-болезненные воспоминания о том, как эта низкорослая скрюченная горбунья опаливала ему перья на пробивающихся крыльях, всегда вставали перед глазами Яна при ее появлении. Знахарка несла с собой тяжелый смрад гнилого разнотравья и вытяжек из мелких гадов. Старуха шурилась, беспорядочно стучала деревянной клюкой перед собой и шамкала беззубым ртом.

– Где напало чудище? – проскрипела она, подходя ближе к лавке, где стонал Радмир.

– На дальней запруде, где летом крутиков ловим, там глубоко, – ответил Казимир, медленно шагая за бабкой, – Зимой туда часто крупная рыба приплывает, в особенности сомов много раз ловили, пару раз и пучеглазы попадались.

– Далеко, значить, от жилищ, – прошамкала Глафира, склоняясь над раной и чуть ли не носом касаясь разорванной плоти, – Драл, паскуда, схватить хотел и утащить.

– Именно, – подтвердил отец, заминая шапку в руках, – сначала один налетел на сани, где улов лежал. Мы с братом, понятно дело, попрятались за камышами, только по разные стороны поляны. Гад этот, аргон-то, стал рыбу нашу жрать, прямо на санях. Да пускай бы пропала она вся. Так нет, Радмир мне знаками маячить стал – мол, аргон этот маленький, справимся, сможем отогнать. Я струсил, не согласился вместе напасть на разбойника. И брат один выскочил на него с палкой да ведром – что было под рукой, в общем. Аргон отлетел, кричать стал, верещать прям, крыльями забил так, что камыши поломались. Радмир пару раз ему прям в третий глаз над клювом палицей вдарил. Чудище улетело. Но не успели мы рыбу разбросанную по снегу собрать, как прилетела уже птица огромная, больше раза в три первого. На рыбу он вообще не целился, сразу Радмира за плечо схватил когтищами и стал над землей поднимать. Я, как чудище увидел, опять побег в камыши. Отудова уже увидел, как боролись они долго. Радмир-то тяжелый, птице несподручно было его сразу, как крючколапа, схватить, а брат еще и брыкался, бил птицу по ногам ведром пустым. Погодя он догадался схватить поводья лошади, запряженной в сани, которая все это время тряслась от страха на месте, да свистнуть ей, чтоб

помчалась во весь опор. Лошадь рванула, и Радмир выдрался из цепких когтей. Аргон покружил еще над запрудой, я уж думал, что меня сейчас тварь найдет, припал к земле, не шелохнулся. Но птица улетела – в сторону Непроходимого леса, там видимо обитает. Как понял я, что путь свободен, сразу побежал по следу саней. Радмир до половины дороги домой осадил кобылу. А может, и раньше силы его покинули, и лошадь сама успокоилась и остановилась. В общем, догнал я сани, и довез Радмира уже в беспамятстве.

Ян слушал рассказ со своего места из-за печки и злился на отца за трусость. На его глазах дядю чудовище могло сразу убить или утащить на истязания, а он предательски прятался в камышах.

– Понятно, понятно, – проскрипела знахарка, – стало быть, родитель детеныша защищал. Взрослый аргон знает, что только человек обидеть может. Вот и получили вы по заслугам.

Ян еле сдержался, чтобы не выкрикнуть брань в лицо старухе, сжал до боли кулаки на коленях и вжался в каменную стену печи.

– А лечить-то теперь как? – растерянно перешагнул с ноги на ногу отец Яна.

– Мариуша, пошли со мной, дам тебе порошок кроветвора и смесь трав для компрессов. Будешь к ране прикладывать и поить больного. Если до следующего полнолуния не сдохнет, то выкарабкается.

Ян нахмурился: сколько же до полнолуния дней осталось? Из-за морозов, он реже стал смотреть на небо, хотя темнеть стало раньше и позже рассветало. По холоду не до любования звездами – быстрее бы перебежать в тепло. Ян знал звездное небо, с дядей они летом залезали в карстовые колодцы недалеко от озера, и Радмир рассказывал, где какие созвездия, и как по ним в дороге ориентироваться. В последнее время Ян не видел звезд и Луны. Когда же полнолуние? И почему от этого зависит, выздоровеет дядя или нет?

Когда мать с лекаркой ушла, Ян осторожно вышел из-за печи и косясь на отца, который угрюмо затачивал рыбацкие крючки, подошел к дяде. Могучий богатырь попытался открыть глаза и что-то сказать, губы его медленно шевелились, но звуки были невнятными, сил на то, чтобы прийти в сознание, у Радмира не хватало. Ян неуверенно взял больного за руку.

– Ты обязательно поправишься, дядя Радмир. Я все для этого сделаю, – прошептал мальчик. Он постарался крепко сжать своей крохотной ручкой большую горячую ладонь. И очень обрадовался, когда почувствовал ответную конвульсию в пальцах.

Больного оставили у себя, не стали беречь рану и перетаскивать его в библиотеку, где он жил всю свою жизнь. Мать строго выполняла наказания бабки Глафиры, меняла влажные компрессы каждые три часа, засыпала в раны порошок кроветвора – гриба, имеющего ранозаживляющее действие.

На третий день Радмир открыл глаза. Ян перебирал крупу к обеду, надув щеки и насупившись. Дядька тихонько позвал его по имени. Мальчик встрепенулся, словно птаха увидела солнце из-за туч, спрыгнул с табурета и подбежал к дяде.

– Ты очнулся? Ты выздоровел?! – затараторил Ян, упав на дядину грудь и обхватив его руками и крылышками.

– Не так скоро, – еле улыбнулся Радмир, глядя племянника по голове, – Мне тебе сказать надо, – он сглотнул, втянул воздух ноздрями, постарался набраться сил.

– Что? – Ян отпрянул от дядиной груди и смотрел, широко открыв глаза и не моргая, чтобы ничего не упустить.

– Я виноват перед тобой, – дядя криво улыбнулся, – Хотел еще много тебе показать на этом свете, научить. Силы злые дернули накинуться на этого аргона. Не подумал я, что у голодного детеныша может быть безжалостный родитель. Эх, Яныч, виноват я, сильно виноват перед тобой. Теперь тебе одному придется жить и набираться уму разуму.

– Нет, дядя! Не говори таких слов, замолчи! Ты бредишь опять! – Ян заплакал, сжав кулачками стеганое одеяло на дяде, – Ты выздоровеешь, поправишься, обязательно!

– Мал ты еще, – вздохнул тяжело Радмир и прикрыл глаза.

К вечеру он умер, стиснув зубы, в горячке. Ян рыдал без остановки. Единственный для него родной человек оставил этот свет. Рано, внезапно и безвозвратно. Сердце Яна разрывалось от боли, голова трещала. Отец прикрикнул с угрозой наказания. Родители были молчаливо угрюмы. Мать брезгливо прибиралась и бухтела, что надо было все-таки перетащить больного в его дом, пока был жив. А теперь изба воняет лечебными травами и гнилью от раны. Еще и труп до утра стыть будет. А на улице мороз, окна не раскрыть, чтоб проветрить.

– Заткнись уже! – оборвал ее муж и ушел за старейшинами, чтобы быстрее провести захоронение.

Хоронили по обычаю на болотах. Все старики и человек пять мужчин среднего возраста – друзья Радмира завернули мертвеца в грубую ткань, перевязали бечевой и, уместившись на двух санях, поехали еще до зари на север к черным топям. Как сани тронулись, один из молодых затянул басом похоронную песню. Остальные нестройно подхватили.

Ян сидел у окна, теребил край рубахи и редко всхлипывал. Один он остался, так чувствовал себя. Мать не подходила, не утешала. Будто у нее сердце каменное было. Совсем не жалела ни смерти дяди, ни горя сына. Прибралась, свечку потушила и спать легла. А Ян так и сидел до утра, испуленно вглядываясь вдаль через заиндевелое окно, туда, куда уехали похоронные сани.

Глава 4. Рожденный летать ползать не хочет

Тяжело стало Яну одному. Никто дело дяди продолжать не стал – «зимние чтения» оборвались на середине азбуки. Ян вечерами один приходил в холодный дом, уставленный книжными шкафами под потолок, долго разжигал печь, зябко кутаясь в кафтанчик, пряча по очереди свободную руку в карманах. Затем при свете огня печки и маленького огарка свечи на столе приступал к чтению. Дом, построенный из толстого бруса, часто пугал Яна неожиданным стоном или скрипом – ветер пробирался в щели похозяйничать в опустелом жилище. Чтобы не отвлекаться на призрачные отзвуки, Ян иногда начинал читать вслух, с выражением, расхаживая по читальне. Когда история в книге была забавной, на душе мальчика становилось тепло и весело. И он на миг совсем забывал о своем горе и одиночестве.

Яну шел десятый год. За зиму крылья подросли, вытянулись до середины бедра. Оставаясь один в библиотеке, Ян раскрывал крылья полностью и пытался разглядеть их в маленькое зеркало на длинной ножке, сделанное из отполированной стали. Зеркало было у дяди реликвией, оставшейся от прапрадеда, который был среднекрылым мастером по ковке – изготавливал мечи, ножи, вилы и другой инструмент. Сам плавил металл, соединял в разных пропорциях, а затем выплавлял и вытачивал филигранные вещицы. Так рассказывал дядя, а ему – его дед, которого он застал еще живым в глубокой старости. Зеркало не отражало целой картины, только маленькие кусочки, отдельные перышки. Но Ян и увиденному радовался и вдохновлялся. Его намерения крепились вместе с ростом крыльев.

Весной, когда снег полностью сошел, и вода в озере посветлела, мать взяла Яна помогать со стиркой. Пока она полоскала белье на причале, он зашел в холодную еще воду по колени, закатав штанишки, и раскрыл крылья на полный размах. Зачарованный, он внимательно глядел на свое отражение, переливающееся бликами солнца на мелкой ряби воды. Легонько взмахнул, всего на локоть в размах, но с восторгом ощутил, как его босые ноги отрываются от ила, и все тело вытягивается вверх, к чистому лазурному небу.

– Ян! Иди сюда! Нечего озорничать! – крикнула мать с берега. Она заметила, чем он занят, и ей это не понравилось. Когда мальчик подошел к ней и наклонился к тазу с мокрым чистым бельем поднять его, женщина, уставившись на макушку сына ледяным взглядом, сквозь зубы процедила:

– И что тебе эти крылья сдались? Обрезали бы и жили как все, мирно, спокойно, без неудобств.

– Горбы тоже мешают на спине спать, – пробубнил Ян, – больше им нет практического применения. А с помощью крыльев летать можно, путешествовать... – по губам больно прилетело мокрому полотенцем.

– Крылатая тварь дядьку твоего убила! Ей под стать хочешь быть? – раздраженно съязвила мать, повысив голос, – Высоко летать и людей мирных шугать?!

Ян не ответил, только зло исподлобья зыркнул на глупую бесчувственную женщину.

Тайком от родителей он начал учиться летать. Уходил как обычно вечерами в библиотеку. Только теперь за книги садился после тренировки. Ян дал себе задание – каждый день упражняться, махать крыльями, пока мышцы не откажут, пока не почувствует изнеможения. Сначала он прыгивал с лавки. Потом стал выходить на задний двор, наглухо отгороженный забором с двух сторон от соседей и редким частоколом от полей. Здесь он забирался на кучу прошлогоднего сена, которую выволок из амбара. Далее шла крыша сарая. Каждый раз Ян при прыжке вперед раскрывал крылья и взмахивал ими, стараясь устремиться от земли вверх в догорающее золотом и багрянцем вечернее небо.

Бывали и осечки. Заклинивало что-то, сводило мышцу, и юный летун падал в колющий соломинами стог или того хуже – на землю. Но все-же тренировки давали результат. За полтора месяца Ян уже мог пролететь от дома до частокола, за которым чернело посевное, но сейчас ничейное поле. Не слишком высоко, но на два своих роста мальчик взлетал уже без усилий. Учиться приходилось по книгам и полагаясь на интуицию. Никто в деревне не мог, да и не захотел бы, помочь ему советом или примером.

Все бы шло гладко, да увидел как-то тренировку Яна соседский мальчишка. Услышал он шорох со стороны двора за библиотекой, решил, что забралась лисица, медоед или дикий крючколап. Любопытство потянуло его, словно за узду осла, посмотреть, что за существо шорохается. Ян в это время тренировал парение – длительное зависание в воздухе на месте.

Парение нужно было и в бою с аргонами, и для остановки во время пути для осмотра окрестностей. При парении важно было хлопать крыльями чаще, чем в полете, ведь само по себе движение крыла призвано сдвигать летуна или птицу в пространстве. Чтобы появилась возможность зависнуть на одном месте, необходимо было чередовать взмахи с усилием вверх и такие же по силе опускания вниз, не плавные, а резкие и тормозящие движение. А следом сразу же новое движение вверх, и снова – вниз. Ян старался так, что вспотел. Из сосредоточенной работы его вырвал залихватский присвист лазутчика, забравшегося на забор и теперь восседающего на нем верхом.

Ян вздрогнул, машинально прижал крылья к спине и неминуемо рухнул на стог сена, а с него покатился на землю. Филька, так звали соседа, громко заржал и спрыгнул с забора. Он слишком близко подошел к Яну, который, тяжело дыша, отряхивал одежду и руки от земли и травы.

– Летать вздумал что ли? – Филька по-змеиному прищурил карие глаза, сморщив веснушчатый нос, – А батя тебе разрешал?

– Это мои крылья, что хочу, то и делаю, – ответил Ян, соображая, как бы спровадить Фильку со двора.

– А если я бате твоему расскажу? Что будет? А? – Филька широко осклабился, показывая дырку вместо двух передних зубов, которые недавно выпали, а новые только прорезались.

– Ругаться будет, может, высечет, – спокойно ответил Ян, выпрямившись и став выше забияки на голову, – А тебе-то это зачем? Какой прок?

– А просто так! – посуровел вдруг Филька, вплотную шагнув к Яну и посмотрев снизу вверх на него. Кулаки Фильки сжались, он был известный драчун и сейчас искал повод для стычки. Ян ему никогда не нравился, как и всем остальным в деревне. Крылья, неразговорчивость, еще и посиделки в библиотеке в одиночестве – все раздражало в этом мальчишке. Но Ян сделал шаг назад:

– Просто так даже комары не зудят под ухом, – сказал он, погрузившись и понимая, что его тренировке на сегодня пришел конец, – Хочешь, рассказывай. Буду наказан. Ты этого не увидишь. Может, только в разговорах матерей узнаешь.

– А что ты не защищаешься?! Что такой смиренный? – Филька толкнул Яна в плечо, – А если я тебя побью? А если крылья тебе сломаю? А?

Филька яростно кинулся на Яна, но Ян даже неожиданно для себя самого схватил агрессора за подмышки и молниеносно взмыл в воздух.

– Мама!! – заверещал Филька, дрыгая ногами в воздухе, озираясь вокруг и видя только верхушки деревьев, – Мамочки! Пусти, гнида!

– Я тебя отпущу, а ты от меня отстанешь. Договорились? – Ян говорил ровно, но сам чувствовал, как сильно напряглись все мышцы спины, крыльев и рук, сжимавших Фильку. Обидчик хоть и был на голову ниже Яна, отличался коренастостью и весил не меньше самого Яна.

– Да!! – на выдохе крикнул неудавшийся драчун и зарыдал. Ян ровно, с небольшим покачиванием, опустил на землю и отпустил Фильку. Тот попятился и упал на траву, ошарашенно

вода выпученными глазами по земле. Слезы и сопли намочили раскрасневшееся лицо Фильки. Его вырвало.

Ян набрал воды ковшиком из ведра и принес обидчику:

– На, попей и умойся. Легче станет, – подсказал он растерянному мальчишке и устало сел рядом.

– Не плачь, я бы тебя не бросил, – успокоил Ян Фильку, но тот все ревел:

– Гад ты, Ян! Зачем только уродился такой?!

– Тебя не спросил, – печально огрызнулся мальчик, поняв, что даже сейчас Филька продолжает агрессивировать. Он встал и ушел в библиотеку к книгам, которые всегда составляли самую лучшую дружескую компанию.

В целом вечерняя тренировка Яну понравилась. У него получилось поднять на крыльях минимум два своих веса, а может и с лишком. Крылья крепчали и слушались его. Мальчик провел правой рукой по краю левого крыла, довольный собой. Инцидент с Филькой, конечно, был неприятностью, грозящей домашним наказанием. Но, поразмыслив, Ян успокоил себя, что это небольшое препятствие на пути к его цели.

В таком усталом и спокойном состоянии он пришел позже домой и лег спать.

Разбудила его резкая боль в спине у основания крыльев. Ян открыл глаза в испуге и тут же почувствовал, как на него сверху навалилась тяжелая темнота. Он не мог пошевелиться, вырваться, от чего еще больше запаниковал и закричал:

– Пусти! Аааа!

– Лежи смирно, а то резану лишнего! – отозвался сверху отец. Ян за секунду понял, что происходит и, вдавленный в тонкую подстилку на лавке, закричал еще громче:

– Не руби! Оставь мои крылья!

– Нечего! Разбойничать начал уже соседей страшать! Будешь как все! Все горбатые и тебе таким жить!

Острая боль, вонзившаяся в тело и с ней громкий треск ломающихся хрящей ошеломили мальчика. Он зарыдал, бесцельно махая кулаками по воздуху и закусывая подушку.

Отец отпрянул от него, держа в одной руке пилу, а в другой окровавленные растрепанные крылья. Ян поднял взгляд на отца. В свете одной свечи, дрожащей тусклым пламенем посреди стола, мальчик увидел отца, а за ним у противоположной стены мать с плотно сжатыми губами и вздернутым подбородком. Глаза ее торжествующе блестели.

– Давай, замотай ему рану, чтоб не марал постель, – махнул пилой Казимир в сторону сына, обратившись к жене.

Она отлипла от стены и пошла за тряпками.

– За что?! Чем вам крылья мои помешали? Ты же убил меня! Мечту мою убил!! – Ян привстал на постели, чувствуя, что вот-вот потеряет сознание. Голова кружилась от боли и ужаса.

– Надо быть как все! Тогда все хорошо будет, – ответил отец, вытирая пилу и складывая обрезанные крылья в грязный мешок из-под картошки, – Все равны должны быть.

– Я бы ушел... – простонал Ян, заваливаясь на бок, не в силах сидеть. Кровь, текшая из раны по спине, уже намочила штаны.

Мать наконец подошла с тазом воды и тряпками.

– Хэ-х, пока бы ты уехал, наделал бы тут делов. С нами и так полдеревни перестали общаться, как крылья твои прорезались. Ишь, благородная кровь завелась! – Казимир сплюнул на пол и вышел из избы. Ян впал в беспамятство.

Утром он не хотел открывать глаза и снова попадать в кошмар. Он лежал на животе, но все равно чувствовал, как ноет рана на спине. Слезы опять подкатили к горлу. Все его мечты были обрезаны острой пилой. Куда теперь ему деваться? К чему стремиться?

Деревенские жили, как жилось. Все их существование было посвящено добыче пищи и борьбе с природой за выживание. Ни о чем его сверстники не мечтали, никуда не стремились.

Когда дядя Радмир был жив и учил детей грамоте, всегда после уроков сетовал, что желания учиться ни у кого нет. Учат буквы и слова, потому что родители велели. А своего интереса нет. Да и взрослые читали только книги по хозяйству, несмотря на обширный ассортимент старой библиотеки, собранной еще во времена, когда среднекрылые и стремительные летуны жили в соседях с горбатыми. Сказки, мифы, стихи, романы, научные труды по физике, алхимии, математике – ничего не интересовало горбатов. Ян же был не такой. У него – он горько вздохнул – были крылья и был интерес к жизни, к наукам, к миру за пределами деревни. Ян подумал о родителях – чужих людях, которые никогда не понимали и не принимали его, не радовались вместе с ним. Какими же жестокими они оказались!

Мальчик прислушался. За окном по редким крикам пастухов, гнавших медленных слизнепузых коз на пастбища, он понял, что давно рассвело. Его не стали будить. Впервые в жизни пожалели. В избе было тихо. Значит, родители на работах. Ян медленно открыл глаза и приподнялся на локтях, упершись в подушку. Несколько минут он думал, потом полностью слез с кровати. Одел рубашку, которая открывала все лопатки и завязывалась запахом спереди – мать сшила ему несколько рубашек по образцу моды среднекрылых. Дядя, еще живой, принес ей лекала, отыскав книгу по шитью, когда крылышки стали мешать надевать обычную одежду. Только теперь Ян одел ее задом наперед, чтобы защитить еще одним слоем ткани рану. Он запахнул рубашку посильнее на груди и надежно перевязал пояс. Нагнулся под лавку, служившую ему постелью, достал осенние ботинки, хотя был июль и все в деревне от мала до велика ходили босиком, и сверток из черного бархата – сокровище, подаренное купцом, очки стремительного летуна.

На кухне он взял небольшой ножик, которым мать обычно чистила овощи, и ломоть хлеба. Отсыпал в платок горсть соли. Дальше мальчик прошел в сарай, где отец хранил инструменты. Здесь Ян взял кресало, леску и крючок для ловли рыбы.

Все добро Ян завернул в две простыни, завязал узелком и вышел из дома. По дороге в библиотеку он встретил мать Фильки – толстую краснолицую тетку. Ян поздоровался, опустил глаза и поспешил пройти мимо.

– Что?! Обкромсали тебя родители? – громко провизжала соседка, – И правильно! Нечего людей гонять! Сыночка моего зашугал, изверг! Он, бедный, до ночи истерил, пришлось бабку Глафиру звать с успокоительным отваром. А он, родненький, двух слов связать не мог. Кое-как поняли, что это твои, уродец, проказы! Я сразу к Мариушке побежала! Нельзя тебе спуску давать, каракатица!

Ян не останавливался, и не обернулся. Тетка разорялась громко, так что стекла в окнах домов звенели от ее визга. Он зашел в библиотеку, закрыл за собой дверь на засов, чтобы никто ему не помешал. «Энциклопедия путешественника по землям Королевства поднебесных птах», старинное и очень ценное издание, нашлась не сразу, дядя видимо ее переставил, когда они в последний раз изучали ее. «Правки к законам лета 1189 года с начала времен» были на той же полке, где видел Ян книгу при жизни Радмира. Никто за три года ее не читал. Он бережно взял том, пролистал несколько страниц. Родной почерк, наклон и очертания букв напомнили Яну дядюшку и тот вечер, когда книга была закончена. Ян закрыл рукопись, тяжело вздохнул и слез с лестницы на пол. Книги он положил к остальным вещам в узелок. Посидел немного перед дорогой. И пошел, сторбившись и пряча глаза в землю, чтобы не привлекать внимание встречающих.

Глава 5. Один в лесу, один в пути – друзей встречай, друзей ищи

Дорога начиналась с дикого поля и была еле различимой. Высокая жесткая трава, пожелтевшая от июльского жаркого солнца, поросла между двумя колеями от когда-то проезжавших телег. Попадались и колючие кусты с дикой горькой ягодой, и чахлые деревца с тонкими ветками. Никто здесь не ходил и не проезжал после купцов, на восток, где была ближайшая деревня. Дядя рассказывал, что в соседском поселении, до которого целую неделю езды, а пешком и того дольше, установилась строгая вера с чудными законами. Одним из постулатов было неприятие инаковерцев.

В деревне Яна – Глухомани – богов не придумывали, хорошо знали природу, окружающую с четырех сторон, а что было непонятно – называли общим словом «силы». Были «силы небесные», насылающие ненастье, дождь и град; «земные силы» – нашествие жуков на посевы или появление дикого животного рядом с жилищем человека; и «силы предков», которые иногда забирали человека в самом расцвете сил, а иногда, наоборот, казалось бы, безнадежно больного, оживляли. Просто и понятно.

В Дальнем Рубежье верили в бога – существо, схожее с человеком касты стремительных летунов, с большими белоснежными крыльями, в светлой тунике до пят, и самого излучающего свет ярче солнечного. По верованию, якобы все люди – это творения бога, а значит, его законы – истина, которую нельзя подвергать сомнению. Все, кто не верят в бога – отступники и грешники, и гореть им в аду.

– А что такое ад, дядюшка? – спросил тогда Ян.

– Вроде как, – Радмир неуверенно пожал плечами, – большое кострище, где неверующие горят живьем. Но это не точно.

Когда вера дальнерубежцев приняла явно агрессивный характер, старейшины Глухомани решили оборвать все контакты – торговые и родовые – с соседями. Благо, территориальная удаленность способствовала такому ходу событий.

Ян шел по узкой полосе голой сухой земли между, подпираемой с обеих сторон густой травой выше мальчика, и думал, стоит ли ему заходить в Дальнерубежье. Примут ли его там, приютят ли? Насколько сурова их вера? Что ему сказать при встрече с людьми, как объяснить, почему он один и куда направляется? У самого мальчика еще не было четких ответов, знал он только, что жить в Глухомани больше нет сил. Всегда он будет там изгоем и отщепенцем, нелюбимым сыном, уродом. Да и сам простить родителей не сможет за отрезанные крылья.

Последняя мысль отозвалась ноющей болью в спине. Ян, неудобно согнувшись, ощупал рукой перевязь на лопатках. Ткань была сухая, кровь остановилась еще ночью. Но рана саднила и не давала покоя. Мальчик решил свернуть с дороги и поискать в скоро начинавшемся лесу гриб кроветвор, желтоцвет или хотя бы хвощ снежнецветный – ранозаживляющие и облегчающие боль травы. Да и о перекусе Ян задумался, он еще ни крошки не съел с утра.

Лес начался резко, деревья окружили Яна высоким могучим строем, как только он шагнул из высокой остро-колющей травы в лесную полосу. Воздух наполнился свежестью и хвойным ароматом. Сосны росли часто, молодые деревца с тонкими еще стволами бойко прорастали между столетними великанами, отбирая землю у кустарников и травы, покрывающей редкие проплешины и усеянной сухими хвойными иголками.

Зайдя в чащу, Ян выдохнул и выпрямился, наконец. Вся дорогу, пока он пересекал поле, а на это у него ушел почти весь день, мальчик шел, сгорбившись и вжав голову в плечи – он опасался, что родители кинутся ему вслед, чтобы вернуть его. Укрывшись в лесу, мальчик почувствовал себя в безопасности. Здесь иногда они гуляли с дядей. Редко, но каждый раз

это был настоящий праздник. Он знал, что деревенские не любят ходить в восточный лес, в котором водились зловредные «земные силы».

Если приходилось заночевать в лесу, то была большая вероятность проснуться подвешенным на сук дерева или в берлоге у косматого малиноеда. И это еще можно было назвать везением. Бывали случаи и похуже – люди совсем пропадали, зайдя в восточный лес, именуемый Непроходимым. А кто возвращался, только руками махал и кричал несколько дней от страха, а толком ничего рассказать не мог.

Яна не пугали суеверия. Дядя Радмир рассказывал, что земля в лесу «живая» – и днем, и ночью корни деревьев сообщаются между собой и меняют рельеф. Где была кочка с утра, к вечеру может образоваться яма или ровное место. Животные приспособились – лисицы, малиноеды, и даже ежи сооружали свои гнезда на деревьях. Это позволяло спокойно уснуть, а проснувшись, найти себя на прежнем месте.

Мальчик быстро отыскал куст желтоцвета и тщательно обгрыз все крупные тычинки размером с горошину у цветков с ярко-желтыми лепестками. От пыльцы щеки, кончик носа и подбородок Яна стали ядовитого цвета. Во рту стало сладко-горько, а боль в спине почти сразу притупилась. Зато желудок, громко заурчав, потребовал нормальной пищи, а не лекарства. Подобрал сухую длинную палку, Ян двинулся вглубь леса. Палкой он подковыривал кочки в поисках грибов или шишек, внимательно осматривал заросли кустов. Сквозь густые кроны пробивался теплый свет заходящего солнца. Ян почувствовал усталость. Он набрал в карманы пять черноножек с сопливыми круглыми шляпками, сорвал с дикой яблони парочку полужрелых яблок, да шишка целая под ноги попала (проглядели, видать, белки-летяги).

Из камней мальчик соорудил кострище, набросал сверху сухих веток, разжег с помощью кресала огонь. Грибы Ян зачистил от земли, насадил на ветку и хорошенько обжарил над огнем. Тем временем вокруг все стемнело, лес погружался в сон, ухая и всхрапывая в полудреме кочками и кустарниками. Ему вторило глухое уханье сов и печальные трели свирелей.

Плотно поужинав грибами и кусочком хлеба, взятым из родительского дома, Ян забрался на кряжистую старую яблоню, затащил с собой весь свой скарб, обмотал длинные края своей рубахи вокруг ветки, на которую лег животом, чтобы ночью не упасть с размаху на землю. Вещи также закрепил к дереву. Положил голову на тюк, обнял ветку и так уснул.

Во сне Яну снились облака, похожие на медленных слизнепузых коз с мягкой кудрявой шерстью, ясное голубое небо и радостный дядя Радмир. Он смеялся, подкидывая Яна в небо, своими могучими крепкими руками. И мальчик радовался и смеялся вместе с ним в восторге, что летает.

Проснулся Ян от капель дождя, яростно накинувшихся на него, холодных и больно бьющих – будто в каждой с ладонь воды было. Мальчик подтянулся на руках вперед, схватившись за ветку, чтобы накрыть животом узелок с вещами. В первую очередь он обеспокоился за сохранность книг. Но ветка не выдержала перевеса и треснула. Ян вместе с узелком полетел на землю. Упал он неудачно, ударившись спиной. Но тут же, шипя от боли, подскочил и прыгнул на тюк с вещами. Так он замер, терпя бесщадные удары ливня, промокая насквозь от капель, разбивающихся о его тело.

Выплеснув все негодование, дождь кончился, небо расчистилось. Ян осторожно отпрянул от земли и сел на корточки. Осмотрелся. Вода еще опадала на землю с веток и листьев при малейшем шевелении воздуха. Узелок слегка намок по бокам, но только внешним слоем ткани. Внутри книги, очки, хлеб, маленький узелочек с солью, ботинки – в общем все осталось сухим. Это обстоятельство Яна порадовало. Он хотел было выгнуть руку за спину, чтобы ощупать повязку и понять степень кровотечения, но тут же понял, что одежда его вся промокла насквозь, и повязка, закрывающая рану тоже, поэтому ощупывание ему не даст никакой информации. Переодеться не во что, придется сохнуть по дороге.

Ян еще раз осмотрелся вокруг. Он сидел на небольшой поляне, образованной полукругом кустарников боярышника. Вечера в темноте он не особо разглядывал местность, сейчас же увидел, что поляна довольно ровная, поросшая мелкой сочной ярко-зеленой травой. «Стойкое место» – понял Ян. Это была зона, не подверженная почвенной деформации. Ни одного корня дерева через эту поляну не пролегло под землей. Боярышник вырос так причудливо, что стал преградой для «говорящих» сосен, которые и были причиной шевеления земли.

Центр лужайки был полностью открыт небу. «А вот это не очень хорошо», – отметил про себя Ян. Пролетающий аргон легко мог обнаружить на открытой местности любую животину, и человека тоже. Горький опыт показывал, что твари эти дикие и совсем не мирные, как тот же косматый малиноед. Последнего если только сильно разозлить или разбудит зимой, мог пойти на человека с когтями да клыками. А так обыкновенно женщины с одного куста со зверюгой ягоды собирали и ничего не боялись.

Ян поднялся, еще раз осмотрел поляну, взял вещи и пошел искать снова лечебную траву. Движение согревало мальчика. Продвигаясь все глубже в лес, Ян осмотрительно ставил зарубки на деревьях. Также он присматривался к лишайникам и мхам на стволах сосен, чтобы сориентироваться в направлении. Иногда попадались следы животных, порой лисицы или россомахи быстрой молнией улепетывали в кусты, увидев человека. Синички бойко чирикали на деревьях, ссорясь с шустрými белками-летягами. Солнце играло с Яном в прятки, мягко пригревая тонкими лучами, пробивающимися сквозь густые кроны деревьев.

Из трех листьев лопуха и длинного упругого стебля выдриглаза Ян сделал походное лукошко. В него он собирал все, что находил пригодного в пищу: грибы, ягоды и редко встречающиеся целые шишки с орехами. Набрав полный короб, Ян остановился и оценил сбор – еды хватало дня на два. С таким запасом можно было вернуться на дорогу, огибающую лес с южной стороны, а по ней выйти сначала к диким пастбищам, а затем уже к полям, которые возделывались жителями Дальнего рубежья. Мальчик прикинул: он шел день, по лесу до дороги идти, наверное, еще день (далеко он зашел в лесную чащу). По пастбищам и полям еще дней пять. Значит, на выходе из леса у Яна должен быть запас провизии на пять дней, а это в два с половиной раза больше, чем в его лукошке сейчас. Если даже не заходить в деревню – кто их знает, этих боговерующих, что у них на уме, – все равно Яну идти в ту сторону – на восток, к городу среднекрылых Облачному мысу.

Только Ян повернул в обратный путь к дороге, за его спиной раздался протяжный вой. Ян резко обернулся. Вой, плаксивый, ноющий, повторился. Далеко на север, не видно, что за животное кричит, но уж очень жалостливо. Ян, не раздумывая, поспешил на крик. Тревожный плачущий зов так встревожил мальчика, что он пошел быстрыми размашистыми шагами, буквально перепрыгивая с кочки на кочку. Отыскал бедолагу Ян не сразу. Эхо запутало его, и несколько раз уводило в другую сторону. Наконец, он взобрался на небольшой пригорок, и пронзительный вой прозвучал прямо под его ногами.

Ян спрыгнул вперед, присел и заглянул в нору, образовавшуюся из-за того, что корень говорящей сосны поднялся и зацепил с собой целый пласт земли. В норе визжало маленькое пятилапое мохнатое существо, дрыгая всеми конечностями и пытаясь выбраться из-под коряги. Видимо, животное упало в тот момент, когда корневище решило спеть свою песню и поднялось вверх вместе с почвой, обрушив вниз соседний пласт, на котором не особо крепко стояло существо. Теперь оно барахталось, стараясь выбраться, но попытки были тщетны. Поэтому животное и завывало горючими слезами.

Ян оценил масштабы бедствия. Яма была узкой и глубокой. Если бы мальчик спрыгнул вниз, то они бы застряли и выли в скором времени вместе. Существо заскулило и уставилось на Яна двумя черными немигающими пуговицами глаз. Мальчик встал и огляделся по сторонам в поисках чего-нибудь подходящего для спасения зверька. Недалеко в стороне Ян увидел

сломанное сухое дерево. Мальчик направился от ямы за бревном. Мохнатая плакса тут же громко призывно заскулила.

– Я не брошу тебя, но мне нужен инструмент, чтобы вытащить тебя из ямы, – сказал Ян, заглянув в нору. Мохнатый круглобкий зверек перестал судорожно молотить лапами воздух и замер в ожидании помощи, громко и часто засопев треугольным кожистым носом на вытянутой острой мордочке.

Мальчик притащил бревно. Положил его на землю и, придерживая руками спустил в нору.

– Я держу, вылезай! – скомандовал он животине.

Долго ждать не пришлось. Цепляясь когтями на всех пяти конечностях за шершавую сухую кору, зверь вылез из западни и тут же стал благодарно тыкать длинным вытянутым носом в колени Яна, сидящего на земле. Жест был явно дружелюбный. Зверек урчал, пыхтел и подпрыгивал на месте. Ян рассмеялся, погладил существо и наконец спокойно осмотрелся вокруг. Они сидели на небольшом свободном от деревьев пространстве. Возможно, еще вчера здесь была ровная поляна, но сейчас будто гигантский крот перепахал всю землю. Бугры, ямы, рытвины.

– Пойдем-ка отсюда, малыш, – Ян подхватил на руки мохнатого знакомого и поспешил в лес. Зайдя за первое по пути дерево, мальчик остановился. Только теперь он вспомнил про зарубки на стволах и их отсутствие. Мальчик улыбнулся зверьку:

– Ну вот, моя рассеянность решила за меня, где нам сегодня ночевать.

В ответ послышалось одобрительное урчание.

– Что ж, давай найдем место для привала. Искать выход из леса сейчас бессмысленно – скоро стемнеет. Лучше подумаем об ужине и ночлеге. И о том, как тебя зовут, мохнатик. Раньше я таких как ты не встречал и даже в книгах не находил.

Зверек одобрительно закричал. Они прошли немного вперед, возле столетнего дуба, ствол которого невозможно было обхватить и двум взрослым, мальчик решил остановиться. Ян нагнулся и поставил зверя на все пять лап. Не долго сохраняя равновесие, существо шлепнулось задом об землю и так осталось сидеть, следя за передвижениями мальчика не только глазами, но и активно шевеля своей длинной мордочкой.

Ян устроил костер, поджарил грибов, слегка их присолил, отломил краюху хлеба и приступил к трапезе. Один гриб мальчик протянул любопытствующему зверьку, тот принял пищу двумя боковыми лапками, отломил кусочек передней пятой лапкой, расположенной по центру, на которой были особо острые длинные крючковатые когти, поднес сначала к подвижному носу, а затем положил в рот с мелкими ровными зубами и тщательно прожевал. Горячее лакомство явно понравилось заурчавшему мохнатику. Ян, улыбаясь, протянул еще один гриб. Зверек быстро сцапал еду и, уже не обнюхивая, целиком засунул в рот и сжевал, с удовольствием причмокивая.

После ужина Ян развернул свой платок с вещами и достал Энциклопедию путешественника. Он долго листал страницы, бережно переворачивая и расправляя каждую. Найденыш, вкусно отужинав, сложил все три свободные лапки на живот и так сидя потихоньку кимарил. Ян то и дело поглядывал на нового друга, сверяясь с книгой. Наконец он нашел точное описание и название рода существа, которое он спас. Это был крайне редкий длинноязыкий пятилапый одногорб. Когда-то эти животные встречались также часто, как лисы, но из-за ценности меха и мяса их почти истребили. Зверек был еще маленькой особью. «Потерялся видимо, или бросила мать», – подумал Ян. Он осторожно погладил животину по голове и спине. Одногорб осоловело приоткрыл глаза, хрюкнул и снова уснул. Мальчик положил книгу обратно в платок, привязал вещи к дереву, взял товарища и вместе с ним залез на ночёвку.

Глава 6. Дорога вместе веселее

Спалось беспокойно, Ян просыпался от шороха травы или крика ночной птицы, но внимание его тут же переключалось на ноющую боль в спине. Травы, съеденные вечером, не помогли. Только под утро мальчик уснул глубоким ровным сном, а проснувшись, обнаружил, что одnogорб перебрался ему между лопаток и накрыл теплой тушкой больное место. Шевеления Яна разбудили и зверька, он переполз, не церемонясь, по голове мальчика на вещевой узел, служивший Яну изголовьем и сел напротив его лица. Внимательные черные глаза размером с большую пуговицу изучали мальчика. Ян улыбнулся приятелю, на что в ответ одnogорб приоткрыл рот и высунул длинный розовый язык. Ян засмеялся, тоже высунул язык и тут же машинально облизнул губы:

– Пить хочется, – произнес он, осматриваясь по сторонам на соседние деревья и траву между ними.

– Давай спустимся..., малыш, и поищем ручей с водой, – обратился Ян к зверьку, запнувшись перед обращением. «Надо придумать ему имя», – подумал Ян. По поведению звереныша было очевидно, что он никуда не торопиться и готов сопровождать Яна в его путешествии, хотя бы в пределах леса.

Зверек отреагировал так, будто понял Яна: цепко хватаясь за кору дуба всеми пятью лапками, он быстро слез на землю и, оглядываясь, останавливаясь, чтобы подождать мальчика, устремился между кустов и деревьев на северо-запад. Скоро они вышли к чистому звонко журчащему ручью. Ян положил походный узел в траву, рядом поставил травяное лукошко с припасами, а сам подошел к воде и зачерпнул полные ладони. Кристально прозрачная ледяная вода заломила зубы, но быстро утолила жажду. Одnogорб, стараясь не замочить длинную мордочку, чтобы вода не попала в нос, тоже полакал из ручья, высовывая длинный язык и быстро сворачивая его клубком обратно вместе с живительной влагой.

– Можно соорудить из плотных листьев емкость и набрать воды с собой, – предложил Ян, – Сейчас мы недалеко от Совиной горы, правильно?

Он посмотрел на одnogорба, сосредоточенно ковыряющего песок перед собой. Зверушка услышала обращение, повернула взгляд к Яну и одобрительно хрюкнула.

– В горы нам не надо. За горами уже Суровые земли начинаются. Но и конец ручья нас выведет скорее всего на берег Туманного озера, если переплыть его, будет деревня... моих родителей. Я туда не хочу, – Ян посуровел, нахмурил брови, – значит, нам в другую сторону, на восток. Там, где-то далеко, будет город Облачный мыс. В городе много людей, которые читают книги и много чего знают – ученые. Я тоже стану ученым. И буду учить других людей, как дядя Радмир. Но сначала нужно дойти.

Одnogорб наконец отрыл жирного червя и усиленно чавкал, откусив половину добычи, а вторую часть, извивающуюся в страхе, крепко держал передней лапкой. Ян, глядя на зверька, смягчился, отвлекся от своих мыслей и стал искать среди ближайших зарослей подходящую траву для сооружения сосуда. Лукошко получилось надежным и вместительным.

– Ну вот, вода теперь будет. Солены грибы вкусные, но пить после них хочется – просто жуть. Малыш, пойдём? Или ты остаешься?

Зверек напоследок забежал в ручей тремя передними лапками, похлопал по воде, будто умываясь, и последовал за Яном. Идти по лесу было непросто – то ухаб, то кочка. Говорящие сосны иногда вспучивали землю прямо под ногами путников. Каждый раз, когда почва шевелилась слишком близко, одnogорб прыгал на ногу Яну и взбирался по спине на загривок мальчика. Надо заметить, несмотря на острые когти, зверь не царапался, но так крепко держался, что иногда Яну становилось тяжело дышать, он останавливался, опускал на землю из одной руки узел с вещами, из другой – лукошки с провиантом и водой и снимал зверька с плеч.

– Не бойся. Под корягу больше не улетишь, – вразумлял напуганное животное Ян. Но одnogорб только тарачил большие черные глаза и тихонько скулил в ответ, – Да, непогода сегодня, видишь. Ветер сильный в кронах гуляет, вот и сосны разговорились.

Ян осматривал деревья, определяя по мху, где север, а где юг. Исходя из этого ориентировался все время на юго-восток. Однако он пару раз видел, как сосна оборачивается вокруг себя. Поэтому доверия мху было мало. Дубы и дикие яблони появлялись редко.

Повстречавшийся куст желтоцвeта остановил путников. Ян положил скарб на землю и подошел обгрызть лекарственные тычинки растения. Одnogорб, наклонив голову на бок, с интересом следил за его действиями. Когда Ян встал с корточек и взялся за вещи, чтобы идти дальше, зверек подбежал к кусту, схватил цепкой передней лапкой стебель и по примеру человека сунул свою острую мордочку прямо в желтый венчик цветка. Измазавшийся ядовито-желтой пылью, он уставился на Яна.

– Ого! Это и я такой, получается? – улыбнулся мальчик, слегка намочил руку в коробе с водой и отер лицо, – Так лучше?

Одnogорб не ответил, снова сунул мордочку между желтыми лепестками и отгрыз одну тычинку. Горько-сладкий терпкий вкус не понравился зверьку. Он резко отпрыгнул назад, высунул длинный язык и стал тереть его лапками, стараясь убрать все крошки от раскусанной тычинки.

Боль притупилась, но спина все равно беспокоила Яна. Поменять бы повязку, да хорошо промыть рану и приложить травяной компресс... Но самостоятельно мальчик с этим не мог справиться. Поэтому шел дальше по лесной чаще в направлении города, где люди ценят знания, где можно стать ученым. Даже без крыльев.

Когда сил совсем не осталось, ноги начали гудеть и боль в спине опять усилилась, лес поредел. Между деревьями стало возможно разглядеть пространство, разделенное на две равные полосы – выцветающее вечернее небо и бурую уставшую землю.

– Дошли, – Ян остановился и глубоко устало вздохнул, – привал, малыш. Располагайся, ищи червячков, и я буду ужин готовить. Заночуем здесь. На рассвете пройдемся вдоль окраины леса – надо собрать провизии дней в дорогу. На пастбищах и полях, которые встретят нас впереди, растет только трава, да зерно сухое – мы с тобой таким не наедемся. А ближе к полудню выдвинемся в путь.

Зверек хрюкнул, будто одобряя план мальчика.

– Объясняю, – продолжил Ян, одновременно подыскивая камни и сухие ветки для костра, – по пастбищам придется бежать от одного куста к другому. Если будут деревья или небольшие пригорки, они тоже сгодятся как укрытие. Пересекать открытое пространство нужно будет очень быстро, чтобы аргоны, охотящиеся над полями, не сцапали нас, как медлительную слизнепузую козу.

Одnogорб внимательно выслушал мальчика и ушел шуршать в кусты. Его долго не было. Тоскливые крики еще неумеющих охотиться совят и шум ветра по траве совсем не давали расслышать, в какой стороне и как далеко приятель Яна. Мальчик даже подумал, что зверек ушел обратно в лес, покинул его, даже не попрощавшись. От этой мысли стало очень грустно, ведь животное вела себя как явно разумное существо. «Неужели у зверей нет чувства родства и привязанности?» – задумался Ян, грея озябшие руки у разгоравшегося огня. Минутой позже он совсем опечалился от мысли, что и люди бывают черствее засохшего хлеба.

Но зверек, шустро перебирая лапками и переваливаясь с боку на бок, выбрался из густых зарослей малины и прикатился к ногам мальчика. В пятой лапке одnogорб держал несколько сокращающихся в страхе червей и замерших от ужаса жирных белых личинок. Все это добро, с энтузиазмом похрюкивая, зверек протянул на раскрытой лапке Яну.

– Спасибо, конечно, но я не ем червяков, – широко улыбнулся мальчик, радостный от того, что друг вернулся к нему. Он погладил зверька по черной лоснящейся шерсти, на кото-

рой весело играли блики света от костра, – садись рядышком, кушай свои вкусняшки и давай отдыхать. Я очень рад, что ты со мной, малыш!

Зверек растерянно сел на копчик в человеческой манере, придвинув кожистые черные стопы в сторону огня. И словно приуныв, начал медленно жевать червяка, понемногу откусывая от извивающейся тушки. Ян обратил внимание на изменения в настроении одногорба. Отложив палку с насаженными грибами, Ян придвинулся к зверьку, так, чтобы смотреть ему в глаза и протянул руку:

– Можно попробовать?

Одногорб радостно схватил из малоаппетитной кучки еды самую жирную личинку. Кажется, в будущем она бы стала бабочкой-медуницей, но пятилапый длинноязыкий гурман решил, что это самый изысканный деликатес в его добыче, и с энтузиазмом протянул личинку мальчику. Ян поблагодарил за такую щедрость и демонстративно положил личинку в рот. Потом, правда, улучив момент, когда одногорб увлекся слишком подвижной гусеницей, Ян незаметно выплюнул личинку и прибрал ее в карман на будущее, как неожиданное лакомство для друга.

Когда забрались на ночевку на ветвистый толстокорый дуб, одногорб по-хозяйски залез Яну на спину и свернулся клубочком между лопаток. Веса в зверьке было немного, зато тепло сразу разлилось по телу и совсем приглушило боль. Так и уснули.

Утром действовали по плану. Собрали еды полный короб.

– Будем растягивать паек, может и по дороге что съедобное встретится, – подытожил Ян, укладывая плотным слоем грибы в лукошко, норовившие выпасть. Для сохранности Ян накрыл припасы большим листом лопуха и закрепил его с помощью тонкого прутика.

– Ну что? Готов, малыш? – подмигнул Ян одногорбу, – Помни: бежим быстро. Отдыхаем только в укрытии. Если небо чистое, это не значит, что аргонов нет поблизости. Иногда они летают очень высоко, а завидев добычу, резко пикируют вниз. И тут уже не укрыться, не сбежать. Одногорб опасливо выпучил глаза и потоптался на месте. Самому Яну тоже было страшно. Но другой дороги до города он не знал.

– Видишь пару кустов впереди? Непонятно, можжевельник или малина? Далеко, но ближе ничего нет. Побежали!

Ян выскочил из леса словно молния. Его босые стопы сразу почувствовали разницу между мягкой подвижной лесной почвой и твердой остро-скользящей травяной поверхностью луга. Зверек мельтешил пятью лапками, стараясь успеть за мальчиком. От усердия он высунул язык, который теперь красной лентой развевался за головой одногорба. В ушах от скорости звенело. Сердце колотилось. Ян очень хотел посмотреть вверх – нет ли там опасности, но одергивал себя: останавливаться нельзя ни в коем случае. Только бежать вперед!

Вбежав в укрытие, Ян вовремя зажмурился – колючки кустарника оказались острыми как стальные иглы, которыми мать шила ему одежду. Когда-то еще несмышленным он укололся такой иглой, сейчас будто на него обрушился град безжалостных тонких пик. Ян упал на землю, выкинув руки с поклажей вперед себя для сохранности. У корней колючих веток не было, земля была свежей и прохладной. Глубоко втянув воздух носом, Ян приподнял голову и осмотрелся вокруг. Где-то на ветках сидела неприметная пичуга и весело щебетала. Кузнечики и жуки мерно стрекотали и ползали по ветвям и земле, не обращая внимания на острые колючки, тем более на внезапно ворвавшегося в их царство человека.

– Малыш! Где ты? – негромко позвал Ян. В ответ – только мерное гудение насекомых, да птица притихла на мгновение. Ян, чувствуя, как начинает паниковать, с усилием сглотнул слюну и пересохшими губами снова позвал, – Малыш!

Ветки затрещали прямо за стопами мальчика, он резко обернулся, знакомое похрюкивание и явно тревожное скуление. Ян с облегчением выдохнул:

– Иди ко мне скорее, малыш! – Одногорб подбежал к сидящему на земле мальчику и уткнулся ему в ноги длинной мордочкой, – Отстал, маленький! Тяжело быстро бежать? – Ян приподнял зверька за передние лапки и прижал к груди:

– Мы в безопасности, можем отдохнуть. Ты самый лучший попутчик на свете!

В следующий раз Ян посадил одногорба себе за пазуху, узелок с вещами и короб с едой обхватил руками так, что они теперь были прижаты к его туловищу от подмышек до талии. Только в правой руке было легкое лукошко с водой, о запасе которой Ян решил побеспокоиться по дороге. Одногорб крепко обхватил Яна мягкими лапками, прижавшись к его груди. Так они перебежали еще два отрезка пути. А впереди все также были бескрайние луга и пастбища. Редко им встречались табуны диких лошадей, стаи крокотраусов в болотистых низинах возле небольших топей, да одиноко слоняющиеся по пригоркам отбившиеся от отары слизнепузые козы, ждущие, когда аргон настигнет их с небес и закончит их мучения на этом свете.

Ночлег устроили в зарослях высокого кустарника дикого винограда. Мелкие темно-синие ягоды были еще кислыми и вяжущими рот – не дозрели. От жары листья, особенно с макушек веток и с внешних сторон пожелтели и сохли. Зато в центральной части зарослей ветви буйно зеленели тонкими округлыми листиками.

– Посмотреть бы сейчас на звезды, – вздохнул Ян после ужина, закинув руки за голову и потягиваясь, – Мы двигались прямо, но все равно немного отклонялись то влево, то вправо. Переживаю, как бы не вышло так, что по кругу пойдем и обратно вернемся. Столько сил будет потрачено зря.

Одногорб понимающе хрюкнул и почесал острыми коготками круглый бок.

– Было бы видно звезды, я бы точно определил дорогу. Но высовываться опасно. Так что давай спать, малыш. На рассвете снова двинемся в путь.

Мальчик прижался боком к узлу из простыней, одногорб подкатился теплым клубочком к животу Яна, и так они уснули под тихий шелест травы, стрекот несмолкаемых кузнечиков и далекие, редкие всхрапывания и ржания диких лошадей.

Утро выдалось туманным и холодным. Обзор был всего лишь на расстоянии десяти шагов. Ян зябко поежился, отошел от куста, через ветки которого он осматривал местность и присел возле погасшего костра. Головешки успели отсыреть за ночь, поэтому разжечь огонь заново было невозможно. Через босые стопы сырость пробирала до костей. Спина опять начала ныть. Настроение испортилось. Впервые за все время путешествия Яну вдруг стало до жути страшно и одновременно жалко себя. Захотелось плакать.

Одногорб закончил умываться, вылизывать и вычесывать свою черную густую шерстку, и забрался на загривок мальчику. Ян сидел на корточках, сгорбившись, обхватив колени руками и положив голову на колени – вжавшись весь в несчастный комок. Одногорб бесцеремонно начал чесать светло-русые волосы длинными крючковатыми когтями. Приятное и неожиданное расчесывание отвлекло Яна от грустных мыслей. Он засмеялся, снял одногорба с шеи и развязал узел с вещами.

– Пора уже обновить, – сказал он вслух, доставая ботинки. Ногам стало тепло и уютно. Сквозь густую листву начали пробиваться отдельные лучики солнца. Ян обратил внимание на листики – почти на каждом блестели большие капли росы. Мальчик аккуратно собрал воду в ладонь и отхлебнул. Роса была холодной и сладковатой. Вкусной. Малыш тоже последовал примеру Яна и стал пить и умываться, усердно теребя листики между лапок. Пара сочных яблок на завтрак совсем исправили ситуацию. Солнце светило все ярче, согревая землю, прогоняя туман и плохое настроение прочь, давая надежду и открывая путь дальше.

Глава 7. Следуй своему пути, и он сам будет вести

Ян снова подошел к точке наблюдения. Между редкими ветками теперь можно было увидеть пастбище с примятой травой, взъерошено торчащей редкими кустами. Здесь явно часто гуляли бесхозные лошади и паслись вольные буйволы. Вдалеке были видны деревья, тонкие, с кряжистыми ветками и скудной листвой. Ольховники – определил Ян, такие росли возле заводи в окрестностях Глухомани. Значит, и здесь, за деревьями был водоем.

– Нам туда, – указал Ян одногорбу, забравшемуся на плечо мальчика и тоже смотрящему вдаль. Они собрались и быстро перебежали до зарослей ольховника. Уже подбегая к небольшому пруду, Ян увидел пять особей крокодавил, размеренно гуляющих на противоположном берегу. С головы до длинного, касающегося земли хвоста рептилии были покрыты серым чешуйчатым кожистым панцирем, а брюхо было ярко красного цвета с короткой опушкой. Две жилистые длинные задние ноги поднимали удлинненное тело животных на два шага от земли. Несоразмерно с задними мелкие передние конечности представляли собой подобие крыльев, но без оперения, покрыты были серой чешуйчатой кожей. Головы существ были мелкими с большими загнутыми вниз клювами. Этими мощными клювами крокодавилы в случае опасности отнюдь не били противников, а зарывали голову в ил. Рептилии эти были травоядными, смиренными и пугливыми. Но мальчик решил, что все равно не стоит к ним приближаться: дикие животные непредсказуемы. Поэтому Ян присел на корточки, прячась за зарослями камышей от крокодавил, и стал осматриваться, с какой стороны лучше обойти пруд.

– Интересно, они здесь живут или приходят откуда-то? Как думаешь, малыш? – спросил Ян больше у себя, но обращаясь к мохнатому приятелю. В ответ была тишина. Ян оглянулся.

– Малыш! – шепотом позвал Ян. Куда делся зверек? Только что висел на груди у мальчика. И вдруг пропал. Ян растерялся и забеспокоился. Как так? Уже столько пройдено, неужели решил вернуться в лес?

Знакомое кряхтение и шуршание слева заставили Яна вздрогнуть. Одногорб появился, с трудом выкатывая перед собой по земле округлый вытянутый с одной стороны предмет пурпурного цвета. Яйцо было размером чуть меньше самого одногорба, но он все равно целеустремленно толкал его вперед.

– Зачем тебе яйцо крокодавила? Ты же его украл! Вон ходят родители! Верни на место! – зашипел Ян. Он был рад появлению зверька, но в шоке от его выходки, – Это плохо! Оставь яйцо родителям! Что ты с ним будешь делать?

Одногорб прижал яйцо к земле передней лапкой, сам уселся на копчик так, чтобы яйцо оказалось зажатым между его задних лапок, и стал усердно стучать по скорлупе длинным когтем, явно намереваясь ее расколоть и съесть содержимое.

– Понятно, – вздохнул Ян, – Малыш, сейчас не время для обеда, тем более яйцом, чьи родители совсем рядом. Это нехорошо, неправильно...

Громкие лающие крики раздались совсем рядом. Крокодавилы обнаружили пропажу и подняли шум.

– Давай меняться, – Ян предпринял последнюю попытку отобрать яйцо у одногорба и достал жирную личинку из кармана. Зверек радостно схватил лакомство свободной левой передней лапкой, но яйцо не отпустил.

Камыши опасно зашуршали. Мальчик, не раздумывая, схватил одногорба за шкуру (зверек в свою очередь цепко схватился всеми лапками за яйцо), запихнул его в ворот рубахи, подхватил вещи и побежал прочь вдоль берега, ломая телом заросли камышей и ветки ольховника. Погони не было. Видимо шум от побега Яна, напугал преследователей и заставил их зарыться в ил.

По ощущениям, мальчик пробежал дугу по окружности пруда. Позади никого не было, но лучше было отдалиться от водоема и опасности как можно дальше. Он остановился на минуту передохнуть возле старой ольхи с длинными ветками, клонящимися к воде. Одногорб закричал, Ян опустил узел и короб на землю и достал приятеля. Зверек довольно высасывал содержимое из скорлупы, запустив длинный язык в пробитую дырку. Мальчик осуждающе покачал головой:

– Малыш, это очень плохо! И опасно. Родители могли нас побить своими клювами, если бы не были такими пугливыми. Нам крупно повезло. Но на будущее знай, что родители яиц не всегда такие безобидные как крокотраусы. Если ты украдешь яйцо орлицы или даже совы, она может тебя выследить и заклевать.

На одногорба речь Яна явно не произвела впечатления. Мальчик безнадежно махнул рукой и стал осматриваться. Впереди был зеленый сочный луг с белыми, желтыми, голубыми и красными цветами, укрывающими землю богатым пестрым ковром. Цветы были везде: слева, справа, уходили вверх, поднимая волну до самого горизонта и там соприкасаясь с лазурным небом.

– Ух ты! Красотища какая! – восхитился Ян, – и не тронутая никаким скотом, главное... Нам сейчас предстоит подъем в гору, малыш, – мальчик прищурил глаза, прикидывая дальнейший путь. Его смущал цветущий луг на холме. Движение в гору могло существенно замедлиться относительно бега по равнине, что сулило риск стать добычей аргонов.

– Как думаешь, малыш, может безопаснее будет ползти по этому полю? Цветы достаточно высокие, могут полностью скрыть сверху. Давай попробуем?

На предложение Яна одногорб нервно заскулил, тихонько с возмущением затыкал и забрался по штанине мальчику на руки. Зверек привычно паучьим движением обхватил мальчика всеми пятью лапками и прижался к нему, продолжая тревожно скулить.

– Не хочешь ползти? – Ян погладил одногорба по голове, удивляясь такой бурной реакции зверька, – Боишься потеряться? Уговорил, побежим как раньше.

Ян удобным способом обхватил свои пожитки и шагнул вперед. Одногорб продолжил висеть на его торсе мягким черным пауком.

Луг был необычным. Не только завораживающе-красивым, но и дурманящим сладкими ароматами цветов. А еще оглушительно тихим. Ни стрекота кузнечика, не жужжания пчелы. Ян старался бежать в обычном темпе, но скоро осознал, что с легкого бега он перешел на быстрый шаг, а теперь и вовсе размеренно плетется, разглядывая красочные соцветия.

– Малыш, что со мной? Сил будто нет... Спать хочется... Присесть на траву, отдохнуть. Поспать немного...

Одногорб высунул мордочку из ворота рубахи Яна и шустро облизал ему лицо длинным шершавым языком. Ян часто заморгал и понял, в чем дело:

– Это сон-трава! Вот почему здесь не пасется ни одно животное! Надо быстрее выбираться!

Он оглянулся. Волосы встали дыбом. Луг был повсюду. Ничего кроме бескрайнего моря цветов, опьяняющих сладкими ароматами и уводящих в грезы. Ни ольховника вдалеке, ни пастбищ с животными, ни леса. Повсюду только небо и цветы, яркие, пышные, сочные. Ян сморщился от досады:

– Это ловушка! Как же я не понял сразу! Что теперь делать? В каком направлении бежать?!

Ян крутился на месте и уже вообще не понимал, куда двигаться дальше. Страх совсем сбил его с толку. Невыносимо хотелось спать, все тело было тяжелым и уставшим. Спать. Лечь и отдохнуть. Прикрыть глаза всего на мгновение, на часик, на мгновение...

Одногорб снова бесцеремонно прошелся длинным языком по лицу Яна. Мальчик дернул головой, пришел в себя.

– Я не знаю, куда идти. В какую сторону..., – прошептал он сухими губами, посмотрев на зверька, старательно зарывающегося мордочкой в кофте мальчика.

Крик аргона, резкий, режущий воздух, словно колесница, запряженная тройкой лошадей, рухнула с высокого моста в пропасть, оглушил и в миг разбудил Яна. Он задрал голову и с ужасом увидел высоко в лазоревом небе черную тучу с рваными краями, которая быстро разрасталась, обретая черты гигантского монстра. Ян побежал. Без разбора, прямо, прочь, прочь от неминуемой смерти!

Страшно было умереть в беспробудной дреме среди сон-травы, но еще ужаснее и мучительнее была смерть от лап и клюва аргона, разрывающего добычу на куски. Ян бежал так, чтобы крылатое чудовище было позади, старался бежать быстрее, но чем глубже дышал, тем больше чувствовал головокружение от приторно-сладкого аромата сон-травы. «Не хочу, не хочу... так... умирать,» – запыхавшись прошептал мальчик. Ноги стали предательски заплетаться. Режущий воздух крик монстра был все ближе. Внезапно Ян споткнулся и упал. В темноту и вниз, в бездонную яму.

Он полетел с диким воплем, чувствуя, как воздух резко бьет в лицо, задирает рубаху и штанины, поднимает волосы дыбом, свистит по ушам. Мальчик сжал пальцы на тюках по бокам от себя, словно цепляясь хоть за что-то твердое и осязаемое. Зверек, распластавшийся на груди Яна, вжался в него еще сильнее, но не издавал не звука, замерев в ожидании. Под ногами все никак не появлялась земля. В какой-то момент Ян решил, что уже умер, и это всего лишь предсмертная галлюцинация. А после не будет ничего. Его не станет.

Но телом Ян почувствовал поворот. Скорость его полета стала явно снижаться, хотя он по-прежнему летел в кромешной тьме, не касаясь ничего твердого вокруг себя. Ни зрением, ни слухом, ни телом, кроме изменения направления, он больше ничего не чувствовал. Но перестал кричать. Прижал подбородок к груди и убедился, что одногорб все также с ним рядом, крепко держится всеми пятью лапками и прячет мордочку в подмышке мальчика. Под ногами забрезжил свет. «Готовься, малыш», – шепнул Ян зверьку пересохшими губами, сам поджимая ноги к груди в попытке сгруппироваться.

Через несколько секунд они вывалились на землю. Твердую мокрую черную землю. Ян приземлился на копчик. Всю спину заломило жгучей болью. Но все же мальчик засмеялся. Он смеялся, распрямив ноги, выпустив из рук тюки, приподняв торс на локтях и ощущая ладонями холодную твердую землю. Он смеялся, задрал лицо в небо. Одногорб отцепился от Яна, сел у него на животе и стал непонимающе пристально смотреть, как старший товарищ сначала громко заливисто смеется, а затем этот смех, постепенно стихая, сменяется всхлипываниями. Слезы потекли по щекам мальчика быстрыми солеными струйками, и Ян не мог сказать сейчас – это слезы радости от случайного невероятного спасения, или слезы от страха только что пережитого.

– Вот так добыча! – хриплый мужской голос раздался внезапно и очень близко. Ян сразу же вскочил на ноги и обернулся (одногорб еле успел спрыгнуть перед неминуемым падением на землю и ошетиниться на чужака).

– Не бойся – детей не ем, – на Яна с прищуром смотрел старец. Седой, с окладистой бородой и густыми белыми бровями. Голова опоясана кожаным ремешком, волосы убраны за спину. Одет был мужчина в серые холщовые штаны, такую же невыбеленную просторную рубаху с закатанными по локоть рукавами. На ногах обуты высокие, до коленей, сапоги из кожи крокотрауса, серые с красными отворотами по верху. Лицо морщинистое и очень смуглое. Руки – тоже загорелые дочерна, в шрамах, мускулистые и жилистые. Осанка у старца была ровная, как у благородных каст, хотя крыльев за спиной не было. Вид уверенный, но не опасный. Ян слышал иногда среди старших байки об изгнанниках из деревень за злодеяния – разбойниках, которые мыкались по лесам и полям и выживали только грабежами путников на дорогах. Старик не походил на такого злыдня. Но и обычным горбатым-крестьянином он явно не был.

– Ну пошли за мной, коль вывалился из колодца. Я правда ждал козу, зайца или хотя бы острозубку. Ну, значит, еще день без мяса в похлебке будет.

Ян стоял на месте, не решаясь пойти за причудливым старцем. Одного горб снова забрался на руки мальчику и недоверчиво сопел. Ян осмотрелся вокруг. Он оказался в березовом лесу. За спиной его была высокая, уходящая за облака, отвесная стена из карстовой породы, испещренная большими и малыми дырами. Из одного такого отверстия они и выпали на землю.

– Что стоишь? – обернулся старик и нахмурил брови, добавил – Сгинуть хочешь? Ты уже родился на свет – ни тебе себя жизни лишать! Даже таким ненормальным способом, как заблудиться в лесу и стать жертвой лешего!

– А ты кто? – выпалил Ян. Несмотря на то, что новый знакомый позвал за собой, мальчик не решался сдвинуться с места.

– Я Светобор. Ведун, – непонятно объяснил старец, – Ты идешь?

– Кто такой ведун? И кто такой леший? – Ян не знал значения новых слов, а для него загадкой оставалось еще то, как он смог избежать лап аргона и оказаться посреди березняка.

– Похоже, ты не из этих мест, – догадался белоголовый и с еще большим интересом стал разглядывать мальчика, – Откуда же тебя принесло?

– Оттуда, – Ян махнул рукой на отверстие в скале, не желая рассказывать едва знакомому встречному историю своей жизни.

– Не хочешь говорить – твое право. Мне сейчас сказочки рассказывать тоже нет настроения. Ты – маленький уязвимый ребенок, и одному тебе не прожить в дикой природе. Со мной шансы возрастают. Решай.

Старик резко повернулся и зашагал прочь. Ян подумал, подобрал свои вещи (с сожалением отметил, что при падении короб с водой разбился) и двинулся за Светобором.

– Как звать-то? – не оборачиваясь, спросил старец, раздвигая ветки длинной палкой и пролезая в дебрях травы и кустарников.

– Ян, – коротко ответил мальчик, еле поспевая за шустрым молодежьим стариком.

– Имя простолюдина. Значит, ты из горбых. Проще общаться будет. Если бы оказался из купеческих или стремительных летунов, еще бы служить себе приказал! – Светобор громко раскатисто засмеялся, но увидев, что мальчик не поддержал его шутку, посерьезнел – Родители-то есть?

– Нет! – Ян нахмурился. Неприятны ему были такие разговоры.

– Ну нет, так нет. Почти дошли.

Старик замолчал и продолжил уверенно прокладывать путь вперед, борясь с высоким кустарником, норовившим выколоть глаз и порвать одежду. В голове Яна зудела тысяча вопросов, но он не решался сейчас засыпать ими нового знакомого. Позже.

Глава 8. Дом ведуна на дубе

Они вышли на небольшую опушку леса, посреди которой, словно могучий страж, возвышался вековой дуб. Березняк здесь заканчивался, а впереди начинались поля, поросшие пшеницей и овсом. Больше дубов не было, лишь один этот исполин стоял на границе между лесом и полями. Старец обернулся и ткнул палкой в воздухе, указывая на узелок и короб в руках Яна:

– Что у тебя там?

– Здесь еда, – Ян приподнял травяной короб под правой рукой, – грибы, ягоды в основном, яблок есть немного. А здесь, – Ян посмотрел на узел из простыней, – мои личные вещи, очень важные для меня.

– Ишь ты! – усмехнулся старик, – и заправивший, и важный какой! Тебе лет-то сколько?

– Десять, – Яну все меньше хотелось следовать за стариком. Достаточно его уже шпыняли.

– Молодец, смысленный, – спокойно, без ехидства и осуждения, похвалил Светобор, – еще смотрю, на тебе питомец повис редкостной породы.

– Он мой друг! – опередил Ян старика, чтобы тот даже не вздумал съесть одного горба на ужин.

– Да я понял. Не переживай так, – мирно ответил старец, – Я к тому, что совсем скарбом тяжело тебе будет залезть в мой дом.

Старик повернулся к дубу и посмотрел вверх в густую шелестящую крону. Ян присмотрелся и неожиданно между кудрявой зелени увидел прямые линии деревянной постройки.

– Давай так, – предложил Светобор, – я залезу первым и спущу тебе веревку. Ты как-нибудь закрепíš свои пожитки. Я их затяну наверх, а ты сам заберешься следом.

Ян недоверчиво посмотрел на старика. Не грабёж ли это? Но старик спокойно ожидал решения Яна, с интересом разглядывая его зелеными глазницами. Только сейчас мальчик обратил внимание на палку в руках старца. Это был искусно отесанный посох, с примотанным полупрозрачным минералом на верхушке. Камень был закреплен толстой бечёвкой, сам был размером с яблоко. На посохе ниже камня под веревкой по кругу были высечены причудливые узоры. У разбойника вряд ли бы водилась такая вещица. Ян молча кивнул, соглашаясь на предложение старца.

Светобор подошел к дереву и быстро, словно россомаха, цепляясь за наросты на коре дуба, лихо запрыгнул в свое жилище, скрывшись между ветвей. Ян, удивленно вытаращил глаза и замер, поразившись прыткости старика. Одногорб тем временем спрыгнул на землю и стал копать рыхлую землю у корней дерева. Видимо, перенесенные волнения вызвали у зверька голод. Веревка слетела одним концом на землю. Второй конец остался где-то в листве наверху.

– Давай, поторапливайся! Темнеет! – послышался хриплый призыв Светобора.

Ян перевязал узел с книгами и короб с провизией так, чтобы можно было поднять их одновременно, крикнул о готовности, убедился, что груз плавно поплыл вверх, позвал одногорба, посадил себе на загривок и стал забираться сам. По сравнению со старцем, будто забывшем о притяжении земли, Ян чувствовал себя неповоротливым малиноедом. Каждое движение он обдумывал с минуту. Брался то за один шершавый нарост на коре, то за другой. Первые несколько шагов от земли были изнуряюще долгими. Когда наконец Ян добрался до первой ветки, он был мокрым от пота, словно попал под ливень. Но ветка была слишком хрупкой, чтобы на ней задержаться для отдыха. Пришлось лезть выше.

На появление запыхавшегося изможденного мальчика старик никак не отреагировал. Вещи лежали на открытой площадке под навесом из толстой ткани, сам старец сидел спиной к Яну на табурете возле стола в доме. Мальчик увидел его в проем открытой двери, но помедлил заходить без приглашения. Светобор внимательно читал послание с крыла кулуши, осто-

рожно повернув его к свету от свечи. Сама почтовая птица довольно клевала зерно с большого глиняного блюда на столе. Ян нерешительно опустился на пол веранды.

Одногорб успел перед подъемом наковырять пару червей и теперь с аппетитом их поедал, усевшись поближе к товарищу. Ян, подождав действий от старца, тоже потянулся к коробу с едой, чтобы выцепить хотя бы горсть ягод. Пустой желудок громко дал о себе знать. Будто услышав этот печальный ропот голода, старец резко обернулся и уставился на мальчика яркими зелеными глазами. Из темноты дома казалось, будто глаза эти светятся изнутри. Ян замер. Ему показалось на миг, что Светобор сейчас закричит на него, как раньше делала мать при малейшей его оплошности. Но старец лишь прищурил глаза, собрав возле глаз две паутины из морщин. Зеленое свечение рассеялось под белыми густыми бровями.

– Занятный ты малый. Рубашка на манер купеческой сшита, только задом наперед одета. Крыльев не наблюдается. Откуда родом – не говоришь. Про родителей сказал, что нет таких. Однако же кто-то о тебе ранее заботился. Одежда более-менее, ботинки новые, целые, простые, вещи какие-то...

Ян не знал, куда деться от пристального буравящего взгляда. Хоть прыгай из скворечника этого на землю, да только шею свернуть можно с такой высоты. И бежать куда дальше – неизвестно. Мальчик совершенно потерялся в пространстве, не знал, где он, как попал в березовый лес, и что это за странный человек, разглядывающий его, словно букашку на траве.

– Ладно, – отступил после испытующего молчания Светобор, – Давай ужинать. Мясного ничего нет. Я не больно-то люблю животину убивать. Только ту добиваю, что уж повредилась сама, не сможет дальше скакать и скорее всего в ближайшее время станет кормом для волка или аргона. Так что, за неимением кроличьих лапок, будем есть грибную похлебку.

Светобор встал с табурета, прошел к металлическому котелку, висевшему на крючке по центру треножника.

– Ты проходи в дом, не сиди на пороге, – кивнул старец, приглашая Яна зайти. Мальчик подобрал все добро и зашел в помещение. Переступив порог, Ян обнаружил себя в просторной комнате, казавшейся гораздо больше изнутри, чем снаружи. Пахло сушеными лесными травами. Было светло. Свет исходил будто от самих стен. «Странно, на площадке казалось, что в доме свет только от свечи да глазниц хозяина», – отметил Ян. В дальнем углу стояла кровать. Рядом с ней шкаф с полками, на которых мальчик с замиранием сердца увидел книги и еще какие-то предметы, которые не успел рассмотреть.

– Проходи, проходи, не стесняйся, – старец отвлек мальчика, указав на единственный табурет за столом, – места хватит.

С полки на стене рядом с котелком Светобор взял один из небольших туесков, достал из него горсть чего-то и бросил в котел. Затем повторил действия еще с тремя берестянками.

– Соль чуть не забыл, – пробухтел старик, открывая пятый короб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.